

Юлия Вознесенская

**Жила-была
старушка
в зеленых
башмаках**

ДОПУЩЕНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Юлия Николаевна Вознесенская

Жила-была старушка

в зеленых башмаках...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6887335

*Вознесенская Юлия Николаевна. Жила-была старушка в зеленых башмаках: «ЭКМО», «Яуза-Пресс», «Лепта Книга»; Москва; 2016
ISBN 978-5-91173-462-6, 978-5-905889-77-6, 978-5-4444-4342-2*

Аннотация

Увлекательная, смешная и трогательная книга знаменитой и всеми любимой писательницы Ю.Н. Вознесенской о приключениях трех старушек-подружек помогает разобраться в себе и обрести надежду. Автор убедительно показывает, что народная поговорка «старость – не радость» не верна, если сердца чисты, вера горяча, а дружба крепко спаяна годами. Особая атмосфера повествования создается благодаря месту действия – прекрасному и неповторимому Петербургу.

Содержание

История первая	5
История вторая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юлия Николаевна Вознесенская Жила-была старушка в зеленых башмаках

*«Жила-была старушка в зеленых башмаках...»
Татьяна Гнедич. «Баллада о старушке»*

*Книга посвящается светлой памяти Татьяны
Григорьевны Гнедич*

Допущено к распространению Издательским
Советом Русской Православной Церкви

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2016.

© Вознесенская Ю.Н., 2016.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2016.

История первая

Этот дивный день рождения

Господи, благослови!

В семьдесят пятый день рожденья, под самое утро Агнии Львовне Пчелинцевой был ниспослан чудесный сон. Снилось ей, будто лежит она на летнем лугу, дышит теплыми запахами разнотравья и смотрит бездумно в лубокое синее небо, а над головой у нее колышутся ромашки да маки, васильки да лютики, плотные белые щитки тысячелистника и малиновые шапочки клевера. Потом вдруг на чистое небо набежала серая тучка с темным брюшком, и на запрокинутое лицо Агнии Львовны упали первые капли летнего дождя. И от ласкового этого дождика Агния Львовна проснулась, сожалея об уходящем дивном сне. Но... сон покидал ее как-то странно – фрагментами: ни луга, ни синего неба с тучкой посередине уже, конечно, не было, а вот запах цветов остался; под головой у нее была любимая подушка, но теплый дождик все так же продолжал капать ей на лицо. Она почувствовала в этом некоторую... несообразность, что ли, удивилась и проснулась окончательно. И открыла глаза. Над ее головой колыхались цветы! Правда, это были уже не маки и ромашки, васильки да лютики, а разноцветные осенние астры и между

ними – три большие белые хризантемы. А на лицо ее падали капли с мокрого букета.

Агния Львовна отвела цветы от лица и увидела за ними довольные лица своих подружек и соседок, Варвары Симеоновны Комиссаровой и Лики Казимировны Ленартович, Варежки и Лики. Варежка держала букет, слегка им помавая, а у Лики в руках был поднос, на котором стояли парадные фарфоровые чашки Агнии Львовны, синие с золотом, Ломоносовского завода, серебряный кофейник и тарелочка с печеньем «курабье татарское». Увидев, что Агния Львовна открыла глаза, Варвара Симеоновна бросила мокрый букет на подушку рядом с ее головой, достала из кармана халата открытку и торжественно объявила:

– Ода на день рождения Агнии Пчелинцевой! Автор Ангелина Ленартович, читает Варвара Комиссарова! – И с выражением прочитала:

Восстань, внимли, о Львова дщерь!
Уже стучатся гости в дверь,
Уже рассвет, уже цветы!
Но их пока не видишь ты,
Поскольку спишь без задних ног.
А день рожденья на порог
Меж тем вступил, и ждут друзья —
И долго их томить нельзя,
Ведь кофе стынет. Поднимись,
Протри глаза и оглянись!

«Восстань и виждь!» – сказал пророк,
Он лучше выдумать не мог.

Окончив чтение, Варвара решительно отодвинула к стене подушку вместе с букетом и головой Агнии Львовны, чтобы освободить в изголовье кровати место для самой обширной части своей фигуры, и уселась, переводя дух. Худенькая Лика Казимировна деликатно, по-кошачьи, примостилась в ногах виновницы торжества, пристроив поднос у нее на животе – она устала его держать. Тут же на постель с ликующим лаем взлетел Танька, песик Лики Казимировны (полное имя Титаник, порода йоркширский терьер, характер восторженно-истерический). Шелковистые черно-рыжие космы Таньки-Титаника на макушке были собраны в пучок красным бантиком в белый горошек – в честь праздника. Хитрый пес, быстро виляя мохнатым хвостиком, начал деловито разгребать одеяло в ногах Агнии Львовны с таким озабоченным видом, будто у него где-то там была зарыта вкусная косточка или любимая резиновая игрушка, а не то чтобы ему просто захотелось понежиться под теплым нагретым одеялом, как могли бы подумать некоторые чересчур сообразительные люди. В конце концов, он таки приподнял одеяло, развернулся, протолкнул под него округлый лохматый зад, а затем протиснул в теплую пещерку и все свое тельце, оставив снаружи только бантик, хитрые глазенки да черный нос.

– Титаник! А совесть? – строго спросила его Варвара. Но

пес сразу же отвернулся в другую сторону: не вижу, не слышу, и совести никакой у меня тоже нет – какая может быть у собаки совесть?

– Да оставь ты его, Варешка, пускай понежится! – смеясь, сказала Агния Львовна. – Уж сегодня-то можно. А вам спасибо, мои дорогие! Но, может быть, я все-таки встану и мы перейдем за стол?

– Ни в коем случае! – отрезала Варвара. – По протоколу ты сегодня должна пить кофе в постели, как аристократка.

– Вот именно! – поддержала ее Лика. – Скажи, Агуня, часто тебе случалось пить кофе в постели?

– Случалось, и не раз!

Подруги переглянулись.

– Это когда же? – недоверчиво спросила Варвара.

– Да в больницах же, глупые! В прошлом году, например, когда лежала с радикулитом...

– Скучная ты старуха, Агния! Разве ж такое кофепитие подразумевалось? Ты вот скажи прямо: муж твой покойный тебе часто кофе в постель подавал?

– Честно говоря, девочки, я такого не припоминаю...

– А вот мы – подаем! Так пей же и будь признательна и счастлива.

– Я вам весьма признательна и благодарна, но кофе я пить не стану, вы уж меня простите, милые!

– Это еще почему?! – возмутилась Варвара. – Чем это тебе наш кофе не угодил или «курабье татарское»?

– Да потому, что я сейчас поднимусь, реанимируюсь и отправлюсь в храм на литургию и там буду причащаться. А вы сами пейте, пейте! Чего ж добру остывать?

– Мы, значит, начнем праздник в твою честь, а ты будешь на нас взирать, утопая в цветах, как... как... – начала было Лика, но, споткнувшись о сомнительное сравнение, умолкла.

– Как Офелия! – выручила подругу Варвара, подняла с подушки букет и одним широким взмахом разбросала астры по всей кровати. – Предупредить не могла?

– Простите, я как-то не подумала... Да разве же я могла предусмотреть такое торжественное пробуждение? Да вы пейте, не стесняйтесь, девочки! А я на вас погляжу и порадуюсь.

«Девочки» стесняться не стали. Подняв свои чашки, они чокнулись и запели дуэтом: Варвара переходящим в бас контральто, а Лика трогательным, чуть надтреснутым сопрано:

С днем рожденья тебя!

С днем рожденья тебя!

С днем рожденья, Агунюшка,

С днем рожденья тебя!

После этого подруги немедленно начали торжественное кофепитие, а виновница торжества с улыбкой поглядывала на них, собирая разбросанные по постели астры и хризантемы обратно в букет.

– Гостей у тебя вечером много будет? – спросила Варвара.

– Только семья и вы.

– Слышишь, Ангелина? Семья и мы. Семья – отдельно, мы – отдельно. Так что мы с тобой, выходит, ей не семья!

– Это она оговорилась, Варезка!

– Хорошенькие оговорочки в день рождения! – пожалала полными плечами Варвара.

– Ну простите, девочки, согрешила я, не подумавши! Конечно, конечно же, вы – тоже семья! Может быть, теперь уже самая близкая часть моей семьи. Сколько же лет мы тут вместе живем, а, милые? Я с самого детства, и ты тоже, Варенька. А вот Лика поселилась в нашем доме позже, но сразу же пошла с нами в один класс, хоть и была старше нас на год.

– Была и осталась, – резонно заметила Варвара.

– Могла бы не напоминать в такой день! – сказала Лика.

– Больше не буду, прости, старушка!

– Вот – опять!

– Успокойся, Ликуня, ты не выглядишь старше нас ни на один день! – сказала Агния. – Лика, а ты в какой класс к нам поступила, в четвертый или в пятый?

– В четвертый, по-моему. Вы обе еще так удивились, когда узнали, что я не только с вами учиться в одном классе стану, но и живу в одном доме с вами и на одной площадке. Ревновали ко мне друг дружку... А вот Варенька не только тут родилась, но и все ее предки тоже здесь жили. Так что, можно сказать, мы все живем в твоём родовом гнезде, Ва-

режка! С детства прожить в одном и том же доме, в доме своих предков, никуда не переезжая, – это мало кому удастся в наше беспокойное время. Ну да и я уже тут старожилка, можно сказать. Наверное, тут мы и помрем все трое, каждая в свой срок... А лучше бы вместе! Да нет, я, пожалуй, хотела бы уйти из жизни первой, чтобы не тосковать по вам.

– Хорошенькую ты нашла темку для размышлений в день рожденья! – фыркнула Варвара.

– Ой, правда, что это я? Не надо, не надо о грустном, девочки! – сказала Лика и даже ручками замахала.

– А ведь тут и вправду мое родовое гнездо, вернее, его уголок, – вздохнув, сказала Варвара. – Вы-то знаете, что этот дом построил еще мой прадед. А другие соседи и не догадывались, нам таиться приходилось... Конечно, в стародавние годы семья наша жила не во флигеле, а в угловом бельэтаже и занимала весь этаж: шесть окон на Кузнечный и восемь – на Коломенскую. Тогда номеров не было, и дом наш назывался просто – «дом дворянина Комиссарова».

– А все-таки странная фамилия для русского дворянина, – заметила Агния Львовна.

– Да ничего странного! Комиссарами назывались офицеры, ведавшие снабжением в царской армии, – сказала Варвара. – Полезная и уважаемая должность, в отличие от комиссаров прошлого века, и фамилия наша была уважаемая. Но и потом именно фамилия эта не раз помогала нашему семейству выжить после революции.

– Верно, ведь большевистские комиссары и понятия не имели, кто такие были царские комиссары! – засмеялась Агния Львовна.

– Откуда ж им было знать! – фыркнула Варвара.

Тему развивать не стали, поскольку биографии друг дружки все трое знали досконально.

– К столу у тебя все приготовлено или что-то еще стряпать будешь сегодня? – спросила Варвара.

– А я ничего особенного готовить и не собираюсь. Холодец в холодильнике, его только выложить и украсить, а салат приготовлю перед самым приходом гостей.

– А горячее будет?

– Будет. Картошка с солеными или маринованными грибами. Картошку тоже перед гостями надо почистить и поставить. А грибы куплю готовые на рынке.

– Что ж так скромно? – удивилась Варвара.

– А день-то постный, среда! Да и не хочется после храма в кухонную суету окунаться. Куплю на рынке побольше хороших и разных закусок – вот и будет стол как стол.

– Если хочешь, мы с Варенькой можем что-нибудь приготовить и картошку заранее почистить. Пусть постоит до вечера в воде с капелькой лимонного сока, чтобы не темнела, а потом раз – и на плиту!

– Это было бы чудесно, спасибо вам, девочки! Варенька, а ты не купишь к столу бутылку вина в гастрономе на Лиговке? У меня по пути не будет приличных магазинов с винным

отделом.

– Одну?

– Одну. Артемий, как всегда, принесет бутылку шампанского, так что одной бутылки нам вполне хватит.

– Ладно. Так я кагор куплю?

– Купи кагор, если будет.

– Ну так картошку мы чистить начнем прямо сейчас, как тебя в церковь отправим, – сказала Лика, – а то нам с Танечкой после обеда к ветеринару на прием идти.

– Так и не жрет морковку? – спросила Варвара.

– Нет. Я уж ее и в молоке, и в курином бульоне отваривала – все равно нос воротит!

– Собака!

– Это ты, Варешка, ругаешься на него или?.. – подозрительно спросила Лика.

– Нет, это я тебе, дурище, поясняю: собака – она собака и есть и не должна морковку есть...

– Ой. У тебя стишок получился! Можно скрасть, Варешка?

– Кради! – великодушно разрешила Варвара.

Тут же Лика достала из кармана записную книжку с привязанным к ней карандашиком и стала записывать, диктуя сама себе вслух:

Хороший пес – он пес и есть,
Не должен он морковку есть,

Ведь он собака, а не кролик...

Тут она остановилась и призадумалась.

– Какая рифма к кролику?

– Алкоголик! – подсказала Варвара басом.

– Не годится. Я сочиняю стишок для детей, а не басню для взрослых. Впрочем, можно сочинить и поучительные стихи:

Мой пес собака, а не кролик,

Но ест морковку он от колик!.. —

– Удачный стишок получился, а, девочки?

– Это не стишок, а какой-то слоган для собачьего доктора. Можешь продать своему ветеринару для плаката, а деньги – пополам! – сказала Варвара.

– Как это – деньги пополам с ветеринаром?

– Да не с ветеринаром, а со мной пополам: первая-то часть стишка моя или нет? То-то! Но ты, Лика, все-таки перестань пичкать несчастного Титаника тем, что он не любит. Собака тоже человек!

– Но если ему врач прописал?!

– Дурак твой врач, собачьей души не понимает. Смени его.

– Ты думаешь, Варешка? Но...

– Да нет, шучу я. Твой врач – тебе и решать.

– Это Танечкин врач, а не мой! – слегка обиделась Лика.

– Девочки, не спорьте, не омрачайте мой день рождения!

Лучше давайте подумаем, что мне еще нужно к столу?

– Пирог печь будешь? – спросила Лика. – На день рождения обязательно полагается пирог.

– Разумные современные люди чаще обходятся тортиками, – заметила Варвара и погладила себя по толстому животу.

– А что? Тортик – это мысль! Но пирог все-таки будет: моя Наталья обещала испечь и принести. У нее сейчас новое увлечение – кулинария.

– Ну-ну... Если она и в кулинарии проявляет свою недюжинную фантазию, то сомневаюсь, что этот пирог можно будет есть.

– Варезка, ты к ней несправедлива! – возмутилась Агния.

– Ты хочешь сказать, что фантазия твоей Наташки имеет пределы?

– Ну нет! Фантазия ее границ, конечно, не имеет, но все-таки она старается помогать матери по хозяйству, учится готовить...

– Тогда молчи и на всякий случай купи еще и торт. Вреда не будет! Гости не справятся – мы доедим.

– Ну, торт я так и так собиралась купить.

– Сегодня среда! – быстро сказала Лика.

– Ну и что, что среда? – не поняла Варвара.

– День постный, – пояснила Агния Львовна.

– Так она же не постится! Это у нас с тобой постный день, а у нее, еретицы, скромный, как всегда.

– Лика хочет сказать, что торт надо купить фруктовый.

– А, ее любимый! Ну, хорошо, купи фруктовый. А что из закусок?

– Для нас – рыбки хорошей, а остальным придется купить ветчины и колбаски.

– Балуеть ты их, – нахмурилась Варвара. – Балуеть и распускаешь!

– Да нет, это я нас балую, девочки! Хорошая рыбка куда дороже всяких там колбас.

– А я бы сказала своим детям: «Сегодня пост – закусывайте постным!»

– Вот потому дети от тебя и уехали, и забрались подальше в Альпы, что ты их в строгости держала, – съязвила Лика Казимировна: сын и невестка Варвары Симеоновны и ее два внука уже несколько лет жили в Баварии – у сына там была важная работа.

– А у тебя их нет ни в Альпах, ни в Пиренеях, ни даже в Андах!

– Так ведь я и замужем не была – откуда у меня могут быть дети?

– Никто не хотел брал такую кокетку, вот ты у нас в девицах и осталась.

– Ну да, девица я! А разве в этом есть что-нибудь предосудительное?

– Если и есть – теперь уже не исправишь, моя милая!

– Девочки, не ссорьтесь! – зевая, сказала Агния Львовна

и сладко потянулась. – И встаньте-ка обе с моей постели – я буду подыматься.

– Ой, Варешка! А подарок-то! – закричала, всплеснув руками, Лика Казимировна. – Про подарок мы и забыли, а сейчас ведь самое время его вручать!

– Не забыли, тут он. – Варвара Симеоновна, кряхтя, присела на корточки, пошарила под кроватью, извлекла оттуда и выставила на прикроватный коврик пару новеньких зеленых велюровых домашних туфель. – Дорогая Агния, вот тебе подарок на день рожденья, домашние туфли: левая – от Лики, правая – от меня!

– Почему это от тебя – правая? – возмутилась Лика. – Может быть, как раз...

– Девочки, не ссорь... – начала было Агния Львовна, примеряя туфли. – Ой, девочки, милые! Какие же они удобные и как раз мне по ноге! И косточки ничуть не жмет, и в подъеме в самый раз... Ну просто не туфли, а две колыбельки для ног! Спасибо вам, дорогие мои, вот угодили так угодили!

– Слава Богу! Носи на здоровье, – пробасила Варвара. – Носить тебе не сносить до самой смерти.

– Что ты такое говоришь, Варешка! – ужаснулась Лика. – Да Агунюшка наша до смерти еще пять... нет, семь пар таких сносит!

– Да я не о смерти, а о качестве. Ты взгляни на марку, Агния!

– «Лондон». Да неужто и впрямь английские?

– Похоже на то. Если это бренд, а не фейк.

– Что-что? – не поняла Агния Львовна и с подозрением поглядела на свою продвинутую подругу.

– «Бренд» – это родная фирма, а «фейк» – базарная подделка под нее. Дешевка то есть.

– Все-то ты знаешь, Варезка! – уважительно пропела Лика.

– Но они же, наверно, страшно дорогие? – предположила Агния Львовна, любуясь своими зелеными ножками.

– Да уж не китайское барахло какое-нибудь! Знаешь, сколько мы их искали?

– Она меня замучила, – пожаловалась Лика. – Заставляла примерять, а для этого мне надо было таскать с собой вязаные носки и каждый раз их надевать – по два на каждую ногу, чтобы не ошибиться в размере – у тебя же нога и больше на два размера, и гораздо шире! – У Лики Казимировны была необыкновенно маленькая ножка, прямо детская, чем она как начала гордиться в отрочестве, так и продолжала по сей день.

Агния Львовна прошлась по комнате и остановилась перед зеркальным шкафом, с восторгом оглядывая зеленые туфли теперь уже в зеркале.

– И каблукочек имеется, и кантик кожаный... Знаете, мои милые, я, пожалуй, попробую в них ходить по улице: у меня уже сто лет не было такой удобной обуви! А дома можно и в старых тапочках походить, я их хорошо разносила.

– Да ты что, Агуня! – ужаснулась Лика. – Мы потому и решили подарить тебе домашние туфли, что на твои старые уже больно смотреть!

– А эти-то не разлезутся, если ходить в них по улице? – засомневалась Варвара.

– Это английские-то? Не должны! – успокоила ее Агния Львовна.

– Ну, смотри, кума, тебе ходить! – сказала Варвара, вставая. – Все, Лика, пошли! Забирай посуду к себе и помой там, а я цветы поставлю в воду и тоже пойду. Агнии еще правило читать. Ты во Владимирский идешь или на подворье, Агуня?

– На подворье.

– В такой торжественный день можно было бы причаститься и во Владимирском соборе!

– Ну, уж так сложилось...

* * *

Через час с небольшим Агния Львовна вышла из дверей флигеля. Погода на дворе была не ясная и даже не сказать чтобы солнечная, но какая-то уютная и приветливая, как это бывает в середине сентября: солнце просвечивало сквозь высокие перистые облака, сея в воздухе золотистую дымку. Прошел дождь, и от росшего под их окнами тополя уже поосеннему пахло мокрой листвой, хотя облетать старик еще и не думал.

Под тополем стояла скамейка, чудесным образом уцелевшая в годы перестройки: никто из грабителей городского коммунального имущества ее не заметил, не позарился и не упер, чтобы продать каким-нибудь новым русским в их, извините за выражение, поместья. Дело было в том, что скамейку берегли, даже, можно сказать, охраняли, причем в теплое время года днем и ночью. А скамья была хороша – длинная, прочная, с удобно изогнутой спинкой, на массивных львиных лапах. Чудо, а не скамейка! В прошлые годы подруги часто выходили вечером посидеть на ней под тополем, сидели и беседовали часами; теперь же они только присаживались на скамью, когда возвращались домой усталые, чтобы передохнуть перед подъемом на свой второй этаж, – скамья им больше не принадлежала, на ней обитала, можно даже сказать, имела постоянное место жительства, небольшая общинка местных бомжей. Сколько бомжей входило в эту «общину», не знали не только жители двора, но даже и местный участковый: в разное время по-разному. Иногда их было всего трое, а порой и человек до семи собиралось: летом – больше, зимой – меньше. Но постоянных было именно трое. Вот и сейчас посреди скамьи сидел бомж по имени Василь-Ваныч, человек пожилой и с виду бывалый; ходили слухи, что судьба его сломалась, когда он попал в заключение по какому-то случайному делу, но толком никто ничего не знал: просто он однажды зашел во двор на Кузнечном, да так тут и остался. Справа от него сидел бомж-интеллигент по

имени Иннокентий, вида вполне профессорского, только катастрофически поношенного, а слева рыжий полу-бомж по кличке Гербалайф, неопределенного облика и возраста: летом он выглядел как пробивной парнишка с преждевременно состарившимся лицом, а зимой превращался в старика с молодыми хитрющими глазками.

– Доброе утро, уважаемая Агния Львовна! – сказал Иннокентий и слегка привстал со скамейки, Василь-Ваныч просто кивнул, а Гербалайф заулыбался щербатым ртом – у него не хватало двух передних зубов.

– Доброе утро, молодые люди! Не промокли ночью? – поинтересовалась Агния Львовна. – Дождь был сильный, я слышала сквозь сон.

– Да нет, не промокли. Мы у меня в квартире ночевали, – ответил Гербалайф. – А вы куда так рано собрались?

Агния Львовна не успела ничего сказать, как Василь-Ваныч ответил за нее:

– На рынок.

Агния Львовна удивленно на него поглядела.

Но Иннокентий возразил:

– Да нет, в церковь!

Агния Львовна, не меняя удивленного выражения лица, поглядела теперь на Иннокентия.

– А коляску зачем с собой в церковь везете? – поинтересовался Гербалайф.

– Они на обратном пути на рынок зайдут, – ответил Ва-

силь-Ваныч.

– Ну, так бы и сказали! А то сначала одно, потом другое, – обиделся Гербалайф.

– Так оно и есть: сначала одно, а потом другое. Сначала в церковь, а потом на рынок! – пояснил приятелям Иннокентий.

– А-а! – протянул Гербалайф. – А что, Агния Львовна, сегодня праздник какой?

– Церковного праздника нет, а у меня праздник! Вот я и иду в честь своего праздника причащаться, – сказала Агния Львовна, услышав, наконец, точный свой маршрут.

– Это как же так? – изумился Гербалайф. – Ни у кого нет праздника, а у вас есть!

– День рожденья у меня сегодня! – пояснила Агния Львовна, удивившись недогадливости Гербалайфа.

– Ну вы даете, Агния Львовна! – почему-то поразился Гербалайф. Или просто обрадовался?

За сим ничего не последовало, и Агния Львовна, кивнув друзьям, отправилась дальше, только самую-самую чуточку обидевшись на Гербалайфа и компанию, не догадавшихся ее поздравить. «Да что с них взять, неудельных!» – подумала она добродушно.

Выйдя за ворота, она пошла по Кузнечному переулку к Кузнечному же рынку, осторожно везя за собой коляску, обходя оставшиеся с ночи на тротуаре лужицы и размышляя о превратностях человеческих судеб. Она еще помнила то

время, когда Гербалайф и Иннокентий жили на первом этаже их подъезда, занимая соседние квартиры. Они тоже дружили с детства, ходили в одну школу и росли рядом. У Гербалайфа тогда была семья – мать и сестра, а потом появилась и жена Клавдия. Гербалайфа тогда звали Андрей Гербер. Впрочем, можно сказать, что Гербалайф и сейчас там живет, во второй квартире от входа; по крайней мере, у него есть там своя комната, в которой он ночует в холодное время года. Это теперь Гербалайф доволен собой и всем миром, а в былые годы он постоянно жаловался, сидя с похмелья на любимой скамейке: «Семибабье одолело! Совсем они меня затюкали!» Однако женщинами он и держался на плаву, потому что уже тогда начинал сползать в запойное пьянство. Умерла мать, уехала куда-то с женихом и пропала замужем сестра, а собственная жена не выдержала его пьянства и подала на развод, и вот тогда бедный Андрей запил уже по-черному. Клавдия после развода его люто возненавидела и порой неделями не пускала ночевать в квартиру. Пил Гербалайф запоями год, пил два, пил еще сколько-то – никто не считал эти скатившиеся в пустоту годы... Тем временем у бывшей жены Клавдии появился новый муж, с виду не то бандит, не то спортсмен, и Гербалайф уже почти совсем переселился на скамейку, к другим бомжам. Он даже ночевал иногда с ними на чердаке дома, когда Клавдия с мужем его домой не пускали.

У Иннокентия история была не такая бурная, но тоже

вполне в духе времени. Он был холост, занимал комнату в трехкомнатной квартире рядом с Гербалайфом, работал оператором в Леннаучфильме и снимал очень симпатичные картины про животных, которые почему-то не нравились начальству. Уж какую такую крамолу увидело начальство в призывах к милосердию в отношении братьев наших меньших – это уму непостижимо, однако видело и ставило на вид. В начале перестройки Иннокентий оказался вдруг в своей квартире единственным жильцом: старенькая соседка умерла, а другой сосед уехал за границу. Тут вступило в силу постановление, по которому освободившуюся площадь в коммунальных квартирах отдавали оставшимся жильцам, и Иннокентий оказался вдруг владельцем отдельной трехкомнатной квартиры. Но не вовремя ему такое везенье выпало: тут его как раз на работе сократили, потому как документальное кино умирало. Сочувствовавшие соседки посоветовали ему сдать две пустующие комнаты и на это продержаться, пока не появится новая работа. Но он сорвался и начал пить. Тут к нему и подъехал какой-то ловкий тип и уговорил продать квартиру: получив деньги, он, мол, купит себе квартирку поменьше и у него еще останутся средства на жизнь. Ничего путного из этого не получилось, и никаких денег от продажи квартиры не осталось – все было пропито с горя, а сам Иннокентий оказался на улице. Да и деньги ему заплатили до смешного малые даже по тем годам – пять тысяч долларов.

К бомзам, обитавшим во дворе, Агния Львовна и ее по-

други относились терпимо, поскольку те особенно не шумели, соседям не досаждали и сами следили друг за другом: если кто-то начинал безобразничать – его из компании, да и со двора, просто-напросто выставляли. За этим строго следил старший бомж Василь-Ваныч. Так вот они и жили, бедняги...

Агния Львовна дошла до угла и собралась перейти на другую сторону улицы Марата, бывшую Николаевскую. Движение уже разогналось, переходить дорогу можно было только дождавшись зеленого света. Она стояла со своей сумкой-коляской и терпеливо ждала. Тут как раз зазвонили в старообрядческой часовне святителя Николая на противоположном углу, возле музея Арктики, бывшего Свято-Николаевского единоверческого собора.

Со стороны Невского к часовне спешили две пожилые женщины в беленьких платочках. Поравнявшись со входом в музей, они обе приостановились, перекрестились на надпись «Музей Арктики и Антарктики», степенно поклонились стоявшим на фронтоне пингвинам, чем-то на них весьма похожим, таким же полненьким и степенным, и пошли к часовне. «Надеются все-таки получить музей под свой храм – вымалывают! И суд они уже у музея выиграли, а все равно ничего не выходит, так и ютятся в часовенке своей», – вздохнула Агния Львовна. Жаль ей было единоверцев-старообрядцев. Им-то с Варенькой вон как хорошо: плывут в голубом небе над домами золотые купола храма Владимирской иконы Бо-

жией Матери – она перекрестилась на золотые кресты, – а за ним, пять минут тихим шагом, и родимое Коневское подворье! А у них, у единоверцев, только вот эта часовенка да еще церковь на окраине Петербурга, в Рыбацком. Ну пусть бы уж отдали им этот храм, выстроенный их предками-старообрядцами на собственные деньги... Если, конечно, Музей Арктики куда-нибудь переведут в хорошее место. Да что-то все не находится для музея вообще никакого места, не то чтобы уж хорошего. А ведь он единственный такой музей в стране – Музей Арктики и Антарктики! Если не единственный в мире. Агния Львовна и ее подружки привыкли с детства гордиться этим соседством: и как же они любили девчонками забираться туда и бродить, бродить часами! А перед панорамой с северным сиянием могли стоять и по часу...

«О чем размышляешь ты, раба Божия Агния, идя ко Святому Причастию? – строго одернула она себя. – Господи, помилуй мя, старушонку легкомысленную, за умственное пустословие!» Перекрестилась и двинулась по переходу – как раз зеленый свет загорелся.

Подходя к улице Достоевского, она подумала, что надо бы еще раз сходить на выездную выставку Оптиной Пустыни в музей Достоевского, если та еще не закрылась, и взглянула на дверь: нет, плакат выставки еще висел! Только вот время закрытия не смогла прочитывать – очки лежали на дне сумки, рядом с кошельком, а доставать их сейчас было хлопотно. «Не забыть бы на обратном пути прочитывать! – наказала она

себе. – Надо будет очки сверху положить... Ой, и опять я мыслями не туда пошла!»

Зато, проходя мимо рынка и утренних уличных торговек, она почти ни разу не позволила себе рассеяться мыслями. Даже на соблазнительные кучки грибов не покосилась, а шла себе и шла, прилежно читая Иисусову молитву¹, только под ноги внимательно глядела, чтобы не ступить новыми туфлями в какую-нибудь лужу – асфальт перед рынком был совсем разбит и лежал островками среди провалов с мутной водой. Ну и совсем уже мельком она отметила, что цветов, в основном астр, у рынка было великое множество: они стояли в ведрах, банках и просто лежали на газетках, расстеленных прямо на асфальте. Она подумала о подругах: «Так они, голубушки мои, успели за цветами к рынку сбегать, пока я спала!»

Обходя Владимирский собор по краю площади, она снова перекрестилась трижды на висевшую над дверьми храма Владимирскую икону Божьей Матери. Ну, вот и Загородный проспект, а вот и скромный двухэтажный зеленый домик, зажатый с двух сторон высокими старыми домами, и крылечко, и двери с крестами: если не знать заранее, что здесь находится Коневское подворье, можно пройти и не заметить. Она трижды перекрестилась с поклоном, поднялась по ступенькам и с тихой радостью душевной вошла в свой люби-

¹ *Иисусова молитва* – короткая молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!»

мый маленький храм. Но сначала зашла в иконно-книжную лавочку, что при входе справа, купить свечи.

– Агния Львовна, с днем рождения вас! – улыбаясь, сказала ей молоденькая продавщица.

– Спаси Господи, Оленька! А вы откуда про мой день рождения знаете?

– Отец Борис сказал. Он вам подарок оставил и велел после службы отдать. Сам-то он уехал. Вы уж не забудьте зайти за подарком!

– Зайду обязательно, как можно забыть? А он что, на Коневец отправился?

– На Коневец. Сегодня отец Иаков служит.

– Понятно... Оленька, можно я у вас свою сумку поставлю где-нибудь в уголке? Вы уж простите, мне без нее сегодня никак...

– Понимаю: после храма на рынок пойдете, гости у вас сегодня.

– Так и есть! Все семейство вечером соберется, надо угощать.

– Пирог печь будете?

– Нет, тортиком обойдусь.

– И правильно, сейчас почти все так делают. А сумку поставьте вон туда, за аналойчик. Кошелек только в ней не оставляйте!

Агния Львовна взяла свечи и пошла в храм. Служба еще не начиналась, лишь два монаха тихонько пели что-то на

клиросе, готовились к литургии. Агния Львовна вообще любила приходить в храм загодя, чтобы спокойно поставить свечи, приложиться к иконам... ну и местечко занять, конечно, рядом со скамеечкой. Хотя сегодня, в замечательных новых своих туфельках, она, возможно, и всю литургию сможет выстоять!

Народу на службе было немного, и почти все знакомые, Агния Львовна с ними тихонько раскланивалась. Вот приоткрылась дверь, ведущая на второй этаж храма; Агния Львовна там бывала, не однажды беседовала с отцом Борисом в его кабинетике; несколько раз она даже обедала вместе с монахами и служащими храма в трапезной на втором этаже и немножко этим гордилась, суетная душенька... Из двери вышел и прошел в алтарь отец Иаков, высокий, худенький, светлоликий, по убеждению стареньких прихожанок, ну вылитый ангел, разве что с бородкой! За ним вышел пожилой чернобородый монах-чтец, прошел на клирос, и начались часы². Агния Львовна слушала внимательно, когда положено вставала со скамейки, крестилась и кланялась, но внимание ее было все еще рассеянно и мысли, хотя за пределы хра-

² Часы – ежедневные богослужения, приуроченные к определенному времени дня и посвященные воспоминанию страданий Спасителя. Состоят из псалмов, тропарей, кондаков и молитв. Первый час соответствует нашим 7, 8, 9 часам утра и совершается сразу после утрени в конце вечерней службы. Третий час соответствует 10 – 12-му часам и служится вместе с шестым (13 – 15-й часы дня) перед Литургией. Девятый час (16 – 18-й часы вечера) служится в начале вечерней службы перед вечерней.

ма и не отбегали, а все как-то не могли сосредоточиться на главном. Вот вышла Оленька с корзинкой, прошла к канунному столику и поставила корзину возле него на табурет – для поминальных приношений. «Ах, надо было взять на углу пирожка! – подумала Агния Львовна: на углу Загородного и Владимирской площади было кафе, и оттуда на вынос торговали с лотка очень вкусными пирогами и пирожками. – Ну да уж ладно, в другой раз!». Однако через несколько минут она снова взглянула на корзинку и опять пожалела, что не купила монахам пирожков... «Они за меня сегодня точно помолются, а я... Растяпа я, растяпа!»

Тут кончили читать часы, и из глубины алтаря раздался возглас³ на Литургию. Высоким и торжественным голосом отец Иаков произнес: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа!» – и этот его возглас как отрезал все посторонние мысли Агнии Львовны, и уже до самого конца Литургии, до причастия Святых Божественных Таин, до самых благодарственных молитв и отпуста⁴ внимание ее умерло для всего постороннего и ни разу никуда ни на один миг не отлетало.

Спустя полтора часа, все еще сосредоточенная, но уже счастливая и умиротворенная, вышла Агния Львовна после

³ *Возглас* – короткое славословие Святой Троицы, возглашаемое священником возвышенным голосом в начале богослужения и по окончании ектении (прошения) или молитвы.

⁴ *Отпуст* – заключительное (от слова «отпускать») благословение народа священником, произносимое им по окончании службы.

службы из храма и тихо покатила свою тележку к Кузнечно-му рынку. На углу она остановилась у лотка и купила два больших пирога с капустой, десяток маленьких с мясом и пятнадцать с рисом и семужкой – к столу.

На рынке было малоллюдно – все-таки будний день, и тем виднее были богатство и роскошь прилавков. В который уже раз Агния Львовна подумала о том, как изменился рынок за последние десять лет: никогда за всю ее долгую жизнь не было на нем такого изобилия! «Вот и хорошо, богатеет страна, – подумала она умиротворенно. – Если бы еще этого богатства да на всех хватало... Ох, надо было прихватить еще десяток пирожков для Гербалайфа и его команды! Ну не возвращаться же на угол, придется отдать им мясные пирожки. Зато Варвара будет довольна, что все пироги постные! А для скоромников у меня холодец стоит в холодильнике, ну еще ветчинки и колбаски им куплю».

Из кармашка сумки Агния Львовна достала свернутую бумажку и очки, надела их, развернула бумажку и пошла покупать по списку, с удовольствием выбирая, пробуя, а иногда даже чуть-чуть торгуясь. Купила она красной рыбы и немножко осетринки – больше для красоты стола, чем для угощения. Скоромникам взяла ветчины и колбаски, купила маринованных миног – специально для Лики Казимировны, та была большая охотница до них, а еще купила для нее же полкруга сыра сулугуни. Набрала свежих огурцов и помидоров, ну и кочешок зеленого салата, естественно, прихвати-

ла; прикупила совсем чуть-чуть кой-каких экзотических солений и маринадов. Обычных солений и своих хватало: как-никак только что с дачи в город вернулась. Она собиралась устроить одно большое закусочное блюдо: свои консервированные патиссоны и огурчики с помидорчиками, да покупные перчик, маринованный чеснок и черемша. Взяла и фруктов, причем выбирала самые красивые и денег не жалела, деньги у нее были. А еще купила клюквы для морса – ох и дорогая же стала клюква!

В общем, когда Агния Львовна скатила по ступеням Кузнечного рынка тяжеленную сумку, двух тысяч рублей как не бывало! «Однако я сегодня сэкономила! – подумала она удовлетворенно. – И стол будет не просто праздничный, а роскошный, и целая тысяча рублей в кошельке осталась!» Еще надо купить торт, но это уж она потом возле дома купит в их новой булочной «Каравай»: отдохнет немного и сходит, благо ноги в новых туфлях абсолютно не устали! Вот только спина... Перетаскивая тележку через ухабы, она тянула ее изо всех сил, а иногда дергала, и напряжение эхом отдавалось в спине, в районе бедной ее поясицы...

Уже подходя к улице Достоевского, Агния Львовна остановилась: что-то такое было у нее связано с этим местом, о чем-то напоминали ей ступеньки, ведущие в музей Федора Михайловича... Вот только что? Она остановилась, помолилась и вспомнила: ведь она забыла про подарок от отца Бориса, оставленный для нее в церковной лавочке! Правда, непо-

нятно было, как это связано с писателем и его музеем? Но все равно надо было возвращаться на подворье, а то неудобно будет перед бабушкой. Женщина только перешла на другую сторону улицы – там тротуар был целее, чем на рыночной.

На подходе к подворью она увидела, как к тротуару причалил автобусик и оттуда гуськом вышли и сразу же направились в храм не то пять, не то семь монахов. Ни один из них не был ей знаком. «Это не с Коневца! Это, наверное, гости к нашим монахам пожаловали или паломники», – подумала она, подождала, пока последний монах скрылся в дверях, а уже потом стала затаскивать на крыльцо свою неподъемную тележку.

В лавочке уже никого не было, кроме Оленьки и Нины Сергеевны, поварихи подворья.

– Да как же это они меня не предупредили, – сетовала Нина Сергеевна. – Да что же я теперь делать-то буду, Оля? Ну, с первым не беда, супа рыбного, положим, хватит на всех – только кипятком разбавить да соли добавить. А вот со вторым-то, со вторым-то что делать? Не голой же картошкой таких гостей угощать! Ведь отец Борис как раз на Коневец за припасами поехал, а в кладовой-то шаром покати!

– И капуста, что ли, уже кончилась? – спросила Оленька.

– Да какая это была капуста, мы ж ведро всего насолили! Настоящая капуста только через месяц будет. А этой полбанки осталось! Ума не приложу, как мне выкрутиться... И к

чаю почти ничего нет, сегодня четыре сладкие булочки на поминовение принесли!

– Я могу тебе дать только сто рублей из кассы, сегодня мало выручки. Может, на рынок сходишь и купишь что-нибудь?

– А что теперь купишь на сто рублей да еще на рынке? Да и некогда уже идти, надо картошку ставить. Время обеда никто не благословлял переносить.

– Беда! – сочувственно сказала Оленька и тут увидела остановившуюся в дверях Агнию Львовну. – Ой, Агния Львовна! А я уж волновалась, чего это вы за подарком отца Бориса не зашли? – Она нагнулась и стала что-то доставать из-под прилавка.

– Вот, зашла... – немного смутившись, сказала Агния Львовна и подошла к прилавку. Оленька распрямилась, держа в руках прямоугольный пакет, завернутый в простую коричневую бумагу и перевязанный бечевкой. – Вот! Книга или икона, наверное. Но вы сейчас не разворачивайте, домой несите! Потом нам расскажете, что вам отец Борис подарил. И еще раз поздравляю вас с днем рожденья! Многая вам и благая лета, дорогая Агния Львовна!

– Спаси Господи, Оленька.

– Не православный праздник вообще-то, – поджав и без того сердитые губы, сказала Нина Сергеевна. – Мы, православные, только День ангела признаем, ну да ладно уж – поздравляю!

Агния Львовна поблагодарила повариху и приняла от Оленьки пакет. Она начала раздвигать и перекладывать продукты в сумке, чтобы освободить место для подарка.

– Все, нету больше сил моего терпения! Буду увольняться, – сказала Нина Сергеевна, продолжая прерванный разговор. – Сколько раз просила: ну предупреждайте, если гостей ожидаете! А отец Моисей говорит: «Бог посылает гостей – Он и угощение пошлет!»

– Он и послал! – сказала Агния Львовна, снова возвращаясь к прилавку. – Принимайте, Нина Сергеевна! – И она принялась было выкладывать на прилавок пакеты с фруктами, лежавшие сверху.

– Да куда же выложите прямо на святые иконы? – воскликнула Нина Сергеевна. – Погодите-ка! – Она метнулась за прилавок и вынесла оттуда табуретку. – Сюда вот ложьте!

Агния Львовна начала опустошать сумку, а Нина Сергеевна принялась усердно ей помогать, даже вынесла из-за прилавка еще один табурет и поставила рядом. Агния Львовна собиралась поделить продукты поровну, но под радостно засверкавшим жадным взглядом поварихи оробела и не решилась разворачивать пакеты и делить покупки. Она только оставила в сумке пирожки с мясом, колбасу с ветчиной да сыр «Сулугуни», объяснив Нине Сергеевне:

– Это скромное!

– Скромное?.. А, ну тогда ладно, оставьте себе на завтра.

– Ну, вот видите, Нина Сергеевна, все и вышло, как отец

Моисей говорит! – засмеялась Оленька, оглядев груды продуктов на двух табуретках. – Бог послал неожиданных гостей, Он послал и неожиданное угощение!

– Да уж вижу! Ох и спасибочко вам, Агния Львовна! То есть спаси Господи! – ласково пела Нина Сергеевна, придерживая подношения обеими руками. – Да вы сами-то на обед оставайтесь! Уж как-нибудь потеснятся монахи...

– Правда, оставайтесь, Агния Львовна! – сказала Оленька. – Они вам «Многая лета» пропоют!

– Да нет уж, ну что уж, – опять застеснялась Агния Львовна. – Не стану я монахам мешать... Пусть помолятся за меня, если можно!

– Вот пусть-ка только попробуют мне не помолиться! – сказала Нина Сергеевна. – И «Многая лета» пропоют как миленькие!

– Да что вы, не надо «Многая лета»! Вы же сами сказали, что день рожденья – не православный праздник, – тут Агния Львовна совсем засмушалась и поспешила ретироваться.

Выходя из храма, она еще слышала умиротворенное гудение Нины Сергеевны и радостный голосок Оленьки. Она шла по Загородному, везя за собой почти пустую тележку. Теперь идти было совсем легко, и поясницу не дергало, и на душе тоже было легко и радостно, а уж как хорошо шагало ногам в мягких зеленых башмаках! Она шла и напевала невесть откуда взявшиеся слова:

Был славный город Пушкин
С крестами в облаках,
А в нем жила старушка
В зеленых башмаках...⁵

На углу Агния Львовна снова приостановилась у лотка с пирожками, но выбрала на этот раз только десяток капустных пирожков и один большой пирог с рыбой. На рынке она благоразумно отказалась от покупки солений и маринадов, взяв только полкило свежих огурчиков и один большой помидор. Но рыбу закупила почти в том же, как говорится, ассортименте, только в меньшем количестве, да от покупки сврюги пришлось воздержаться. Однако после фруктов и трети тысяча подошла у нее к концу. Она остановилась, напоследок прихватив только зелень: «Все! Дома всего пятьсот рублей осталось, а ведь еще надо купить вино и торт». И хотя эти пятьсот рублей было все, что у Агнии Львовны осталось от полученной позавчера пенсии, она ни капельки не унывала: придет на день рожденья сын Артем (Артемий в крещении) и обязательно, как и всегда, подарит ей денежку в конверте. Катя с Марком тоже обычно на праздники дарят ей деньги – вот она и проживет!.. А тележка снова потяжелела, хотя и не так, как прежде, и тут же в спине опять началось покалывание и потягивание. «Ничего! Ведь это я как-никак для всех моих любимых людей стараюсь! – думала она до-

⁵ Из стихотворения Ю. Вознесенской «Памяти Татьяны Гнедич».

рогой. – А тортик я по-позже куплю. Сначала спину завяжу теплым платком и прилягу на часок: полежу и опять буду как огурчик!» Мимо музея Достоевского она и на этот раз прошла, так и не вспомнив про выставку из Оптиной: шла и радовалась, что Бог сподобил ее угостить монахов, а это, между прочим, и были оптинские монахи, приехавшие в Питер забирать свою выставку...

Во дворе дома Агния Львовна не увидела Гербалайфа с компанией на привычном месте, и мелькнула у нее лукавая мыслишка, что теперь не надо отдавать им пирожки с мясом, можно для гостей оставить. Но она тут же устыдилась и сказала себе: «И думать не смей, экономщица! Увидишь их в окно, спустишься и отдашь!» Сделав себе выговор, она успокоилась и прошла в подъезд. Но только собралась, оставив внизу тележку, подняться наверх за Варенькой, чтобы та помогла ей поднять сумку на второй этаж, как открылась дверь Гербалайфовой квартиры и сам Гербалайф возник на пороге.

– Агния Львовна, мое почтение! Давайте-ка я вам колясочку наверх закину!

– Закиньте, Андрюша! – сказала Агния Львовна. – Буду вам очень благодарна.

Гербалайф bravо вскинул тележку ручкой на плечо и попер вверх по лестнице с таким видом, будто делает это играючи; однако уже после первого пролета Агния Львовна услы-

шала впереди его сиплое натужное дыхание.

– Ничего... ничего себе сумочку вы нагрузили... Агния Львовна! Это что, угощение на день рожденья? – пропыхтел он, одолев второй пролет и ставя тележку возле ее дверей.

– Да, это я для гостей закупила, – сказала Агния Львовна, поднимаясь за ним на свою площадку. – Спасибо вам большое, Андрей! И знаете что? Вы зайдите ко мне, я вас тоже угощу.

Гербалайф вдруг напыжился и изрек важно:

– Нет, Агния Львовна, не зайду! Мы с друзьями так и так собирались зайти вас поздравить: семьдесят пять лет – это ж юбилейная дата! Они в Таврический сад за букетом для вас отправились: вернутся с цветами – я им и передам ваше приглашение. Так что мы все вместе к вам заявимся – с цветами и с поздравлениями, как полагается, – вот вы тогда нас всех и угостите! А то что ж я один, вроде как тайком от друзей пойду к вам угощаться... Не, я так не могу.

– Ну что ж... Тогда милости прошу вместе с друзьями, – растерянно ответила Агния Львовна. – Только, если можно, Андрюша, приходите попозже – я на пару часиков прилечь хочу. Часа в три, хорошо?

– Это уж как виновница торжества прикажет! – учтиво ответил Гербалайф, поклонился Агнии Львовне и весело и неуклюже затопал вниз по лестнице.

«Вот тебе, Агния, и первые гости! – подумала виновница торжества. – А хорошо, что я холодец догадалась приго-

товить, вот он-то меня и выручит! Однако сначала – спать, спать, спать...»

Она сняла свои замечательные зеленые туфли и надела старые разношенные тапочки. Потом достала подарок отца Бориса и развернула его. В пакете была книга отца Николая Агафонова «Иоанн Дамаскин». Ей уже прежде доводилось читать рассказы священника, и нравились они ей чрезвычайно! Она об этом отцу Борису говорила, вот он и постарался ей угодить. Хороший подарок. Агния Львовна положила книгу на тумбочку возле кровати: «Сегодня же начну читать, если силы будут...» После этого она отвезла тележку с продуктами на кухню, там аккуратно разложила все по полкам холодильника, вернулась в комнату, завязала поясницу пуховым платком, легла в постель и мгновенно уснула.

Через час Агния Львовна проснулась свежей и отдохнувшей. Пошла на кухню – взглянуть, а как там обстоит дело с обещанной картошкой? Она про нее и забыла... Но подруги ее не подвели: большая кастрюля была почти доверху наполнена вычищенным картофелем. Она отложила половину в кастрюлю поменьше, залила водой и поставила на огонь. Потом занялась приготовлением стола для первой партии приглашенных, то есть для Гербалайфа со товарищи: прикинув в голове общее число гостей, она отделила от всех закупленных закусок примерно треть; что положено резать – порезала и разложила по тарелочкам. Вынула из холодильника одну из трех мисок холодца, выложила его на большое блюдо,

поставила на стол и украсила зеленью. Достала одну из двух банок маринованных маслят, а другую оставила на вечер, и положила грибочки в хрустальную вазочку. Пирожки с мясом, конечно, тоже выложила на блюдо. В общем, решила она, стол для Гербалайфа с его командой был готов и получился не бедным. И она пошла на кухню готовить салат. Как раз и картошка закипела: она ее посолила, прикрутила газ и начала резать овощи. Приготовив салат, отнесла салатницу на стол, снова вернулась на кухню и принялась за клюквенный морс.

Только она поставила стеклянный кувшин с морсом на стол, как и звонок прозвенел. Выйдя в прихожую на звонок, Агния Львовна сначала сбросила с ног разношенные тапочки невразумительного цвета и фасона и надела свои замечательные зеленые туфли, а уж потом открыла дверь. Из-за двери на нее пахнуло густой смесью шампуня и какого-то пронзительного одеколona. На пороге стояли Гербалайф, Василь-Ваныч и Иннокентий – все с прилизанными мокрыми волосами, в чистых футболках и каждый с букетом роз: у Гербалайфа розы были красные, у Василь-Ваныча розовые, а у Иннокентия – белые. Каждый букет снизу был аккуратно завернут в газетку.

– Это мне?! – всплеснула руками Агния Львовна. – Боже мой, какие роскошные розы! Откуда такая прелесть?

– А это ребята из Таврического слям... – начал было Гербалайф, но Иннокентий его одернул – то есть просто дернул

сзади за футболку.

– Не надо увлекаться мелкими подробностями, друг Андрей! – предостерегающе сказал он. – У цветов не бывает биографии. Примите, дорогая Агния Львовна!

– Только не уколитесь, – добавил Василь-Ваныч. – Шипы у них – будь здоров! Специально такие, что ли, выводят?

– Ага, от воров, – хихикнул Гербалайф.

– Да вы проходите сначала, проходите, милые! – сказала Агния Львовна. – Разуваться не надо.

– Да отчего ж не надо? Мы и разуться можем, мы только что из баньки, носки сменили! – сказал Гербалайф.

– Да у меня тапок для всех не найдется, так что проходите уж прямо так!

Гости все-таки разулись, причем разулись они прямо на лестничной площадке, а уже потом вошли в дверь квартиры.

– Андрюша, вы можете свой рюкзак здесь оставить, под вешалкой.

– Рюкзак мой всегда со мной! – непонятно почему хихикнув, ответил Гербалайф.

– Ладно, можете взять его в комнату. Хотя он и в прихожей был бы в полной безопасности.

Гости прошли один за другим в комнату, и каждый, проходя мимо Агнии Львовны, вручил ей свой букет.

– Прошу прямо к столу, гости дорогие, и рассаживайтесь, кому где понравится.

Дорогие гости чинно расселись за столом.

– Вы начинайте угощаться, а я сейчас розы поставлю и присоединюсь к вам.

Агния Львовна нарочно долго возилась с розами, не желая смущать гостей – наверняка же явились голодные! Но, когда она вошла в комнату, неся в обеих руках большую вазу с цветами, гости ее сидели все в тех же позах над пустыми закусочными тарелками и молчали.

– Ну что же вы не кушаете? – спросила она. – Вот закуски... Пирожки...

– Так ведь закуска... – начал было Гербалайф, но Иннокентий на него покосился, и тот умолк. И снова замер, сложив руки перед тарелкой.

– Может, вам сначала горячее подать? – догадалась Агния Львовна. – Ну конечно! Я сейчас, я мигом!

Она пошла на кухню, слила воду с картошки, переложила ее в большую суповую миску, посыпала петрушкой и укропом и вынесла в комнату.

– Ну, вот вам горячая картошечка! А вот грибочки к ней, а вот тут масло... Давайте вашу тарелку, Василь-Ваныч, я поухаживаю за вами. – Она разложила по тарелкам дымящийся картофель.

Но гости к картошке не притронулись, а продолжали все так же чинно и молча сидеть. Агния Львовна занервничала.

– Ой, вы тут посидите минутку, а я зайду к соседкам: может быть, они уже пришли, так я их тоже приглашу!

Она выскочила за дверь и с минуту постояла в нерешии-

тельности на площадке. Да что это случилось с Гербалайфом и его товарищами? Сроду они так не стеснялись! Сидят, молчат и ничего не едят...

Она подошла к двери Варвары Симеоновны и позвонила. Варенька, к счастью, оказалась дома.

– Слушай, Варезжка, я в полном недоумении! Пришли ко мне в гости Андрей, Василь-Ваныч и Иннокентий...

– Ты что, пригласила их на свой день рождения?

– Ну да...

– А почему сейчас, а не вечером? А, понимаю, не хочешь смешивать компании... – В голосе Варвары прозвучал отголосок неодобрения. – И что же?

– Нет-нет, вовсе я их не хотела приглашать отдельно, это просто так уж получилось само собой. Но, понимаешь, с ними что-то странное творится: они сидят за столом как истуканы и ничего, совсем ничего не едят! И молчат. Слушай, Варенька, может, они накурились марихуаны или еще что-нибудь такое приняли? Тогда я уж и не знаю, что делать...

– Они не наркоманы, Агния. Они обыкновенные пьяницы.

– Да нет, они не пьяные... Они только что из бани.

– Из бани? Все трое? Ты не врешь?

– Не вру: у них волосы мокрые и шампунем каким-то ужасным от них за версту несет. И футболки на всех чистые, и даже носки...

– Ну так а я-то что должна делать? Пойти и поздравить их с легким паром?

– Ты бы пошла взглянуть на них, Варенька. Какие-то они странные. Мне что-то даже страшно стало, знаешь... Я сейчас еще Лику позову.

– Лики нет, она Титаника к ветеринару потащила. Ну, пойдем, посмотрим, что там такое с твоими гостями.

Варвара тихонько вошла в прихожую и заглянула в комнату. Агния Львовна тоже выглянула из-за ее плеча. Гости сидели за столом все в тех же позах, а перед ними в тарелках стыла картошка.

– Привет, ребятки! – сказала Варвара Симеоновна, стоя в дверях. – Поздравить пришли соседку?

– Здравствуйте, Варвара Симеоновна! Здрасьте... Да, поздравить... – вразнобой ответили гости и тут же снова скромно опустили глаза.

– Ясно!

Варвара Симеоновна молча повернулась и пошла за дверь, волоча за собой Агнию Львовну за руку. Та в растерянности семенила за нею.

– Ну, Варенька, что такое с ними, как ты полагаешь?

– Не с ними, а с тобой! Дура ты, Агния, вот что! Сейчас все будет в порядке. Жди тут.

Варвара Симеоновна скрылась за дверью своей квартиры и через полминуты вернулась с бутылкой в одной руке и штопором в другой.

– Ой! Так они ждали, что я им выпить дам?

– Ну конечно! Они же на день рожденья пришли! А ты

закуски выставила – а закусывать-то что? Порядка ты не знаешь, Агния. Иди вперед и ставь рюмки!

– Так я поставила бокалы для морса...

– А вот бокалы лучше убери и поставь вместо них рюмки, тебе говорят!

– Неудобно как-то...

– Смотри сама. Это твой день рожденья. Чтоб потом ко мне претензий не было!

Варвара Симеоновна протопала вперед, Агния Львовна – за нею. Она сразу же подошла к серванту, достала оттуда пять небольших рюмок и расставила их на столе.

– Ну, молодые люди, кто из вас умеет управляться со штопором? – бодро спросила Варвара Симеоновна.

– Обижаешь, соседка! Да мы и без штопора умеем! – весело воскликнул Гербалайф.

– Давайте я открою! – вскочил Василь-Ваныч. – Убери руки, Гербалайф, я старше, у меня практика больше.

Иннокентий остался сидеть, но тоже весьма заметно оживился.

– Ты уж садись тоже с нами, – шепнула Агния Львовна подруге.

– Придется! – шепнула та в ответ.

Пока Василь-Ваныч пытался открыть бутылку, постукивая ее доньшком сначала о собственную пятку, а затем о мягкое сиденье стула, приободрившиеся Иннокентий и Гербалайф бросились накладывать в тарелки грибы, салат и все

закуски подряд и навалом.

– Давай, Варенька, я за тобой поухаживаю! – сказала повеселевшая и порозовевшая Агния Львовна.

– Ухаживай! – пробасила Варвара Симеоновна.

Василь-Ваныч открыл бутылку все-таки с помощью штопора и стал разливать вино: дамам он налил в маленькие рюмочки, а себе и друзьям – в бокалы для морса.

– А я тебе что говорила? – шепнула Варвара Симеоновна и подмигнула подруге.

– А, да ладно! – ответила та. – Им так привычней.

– Им привычней из горла или из одного стакана на троих, – тоже шепотом ответила Варвара. – А сегодня у них праздник – из бокалов пьют!

Иннокентий встал, элегантно держа бокал в поднятой на уровень плеча руке.

– Дорогая наша соседка, милейшая наша Агния Львовна! Мы вас уважаем больше всех других в этом доме... Гм... Ну и не менее уважаемую Варвару Симеоновну и отсутствующую по причине болезни уважаемого Титаника Лику Казимировну мы уважаем тоже. Мы ценим вашу всегдашнюю деликатность, вашу вежливость по отношению к нам, отщепенцам мира сего...

– Ах, ну что вы, Иннокентий! – воскликнула Агния Львовна. – Какие же вы, помилуйте, отщепенцы?

– Агуня, не мешай человеку тост говорить! – одернула ее Варвара Симеоновна. – Продолжайте, Иннокентий, прошу

вас!

– А еще больше мы ценим вашу редкостную доброту, дорогая наша Агния Львовна. Многая вам, как говорится, лета и с днем рожденья!

– С днем рожденья! С днем рожденья! Поздравляем! Здоровья и долгих лет жизни! – Гости потянулись чокаяться с хозяйкой, потом выпили и зазвенели, застучали вилками! Вмиг почти все тарелки с закусками опустели и даже заблестели, протертые напоследок кусочками хлеба. Агния Львовна встала, пошла на кухню и принесла из холодильника еще рыбы, колбасы и ветчины, а заодно поставила на огонь кастрюлю с оставшейся картошкой.

– О! Подкрепление! – радостно закричал Гербалайф. – Ну, ребята, надо выручать хозяйку: закуски полно, а закусывать нечего! Ничего, Агния Львовна, не тушуйтесь! – И он, ободряюще подмигнув хозяйке, поднял с полу свой рюкзак и извлек из него бутылку водки. Агния Львовна растеряно глянула на Варвару Симеоновну: неожиданный пир грозил затянуться!

Он и затянулся. Через час гости сидели почти над пустыми тарелками и вели разговор о жизни.

– Я тут встретил нового хозяина своей бывшей квартиры, – рассказывал Иннокентий, – он интересовался, не собирается ли кто-нибудь на втором этаже продавать квартиру?

– Не собираемся! – отрезала Варвара Симеоновна. – Это наш дом, и мы все хотели бы жить в нем до самой смерти.

– Я вот так ему и сказал.

– Новому хозяину? Откуда он взялся-то? – спросила Агния Львовна.

– Старый ему продал. – Квартира Иннокентия уже в который раз меняла хозяина, причем цена ее каждый раз круто возрастала.

– А что собой представляет этот новый хозяин? – спросила Варвара Симеоновна.

– У! Большая шишка! Он академик, профессор чего-то там такого и вообще ученый с мировым именем. Он прямо так и представился.

– Ученый – и купил такую дорогую квартиру? – удивилась Варвара Симеоновна.

– Так если деньги есть? – пожал плечами Гербалайф. – Не все ж ученые без денег!

– Разве? Я полагала, что все...

Тут послышался звук открываемой двери, а затем со звонким лаем в комнату ворвался Титаник: он быстро obeжал всех сидевших за столом и сунулся в ноги Агнии Львовне.

– Тоже поздравлять пришел, – растроганно сказал Василь-Ваныч. – Псина – а понимает!

Вслед за Титаником появилась Лика Казимировна. Оглядев честную компанию, покосившись на бутылку водки, стоявшую в центре стола, она сказала:

– Агуня, а можно тебя на минуточку? У меня к тебе очень срочное дело! – повернулась и пошла на кухню.

Смущенная Агния Львовна двинулась за нею.

Гости слегка тревожно поглядели им вслед.

– Наливайте, Андрюша, еще по одной! – успокаивающе сказала Варвара Симеоновна.

На кухне Агния Львовна сразу же попыталась объяснить подруге обстановку.

– Ты понимаешь, Лика, это вышло совсем неожиданно и нечаянно...

Но Лика Казимировна ее перебила:

– Агунюшка, я же ничего не спрашиваю! Разве ты не имеешь права справить свой день рожденья в той компании, какая тебе по душе?

Агния Львовна покраснела и опять открыла было рот, но Лика Казимировна ее снова перебила:

– Ни слова! Я ничуть не обижена. И вообще я к тебе по делу. Понимаешь, доктор выписал нам с Танечкой рецепт на собачий мезим – ну, это такой препарат для улучшения пищеварения...

– Я знаю, что такое мезим, Лика, сама его принимала...

– Ах да, верно! В прошлом году, я теперь вспомнила. Мне стоит только напомнить – и я все что хочешь вспомню! Ну так вот, поехала я в ветеринарную аптеку на Римского-Корсакова, показала там рецепт. Мезим у них есть, но стоит он почти тысячу рублей. А у меня только пятьсот!

– Лика, но мезим стоит всего сорок рублей! – сказала Агния Львовна.

– Стоил в прошлом году, – поправила ее Лика. – С тех пор цены выросли. К тому же это был мезим для людей, а не для собак. Собачий стоит около тысячи.

«Ничего себе собачья жизнь!» – подумала Агния Львовна.

В этот момент из комнаты донеслось недружное пение, ведомое голосом Варвары Симеоновны: «Степь да степь круго-о-ом!..»

– Что водка-то с людьми делает! – заметила Лика Казимировна. – Так ты можешь одолжить мне деньги на лекарство?

– Лика, а нельзя купить для Титаника человеческий мезим? Это же будет раз в двадцать дешевле! – робко предложила Агния Львовна.

Но Лика так на нее посмотрела, что Агния Львовна тут же поправилась:

– Конечно, Ликуня, я дам тебе пятьсот рублей – о чем разговор?

– Спасибо, я была уверена, что ты нам с Танечкой не откажешь. Да вот еще что! Я ненадолго подкину тебе Титаника, можно?

– Ну конечно, дорогая! – Агния Львовна достала из стоявшей возле стола сумки на колесиках свой кошелек, извлекла из него последние пятьсот рублей и протянула их Лике.

– Спасибо, с пенсии отдам. Ну, так я поехала. Следи за Танечкой. Смотри, чтобы ему со стола ничего не давали, а то у него будет несварение!

Агния Львовна вернулась в комнату. Компания уже почти

допила водку и сейчас увлеченно допевала песню. Титаник стоял возле стула Василь-Ваныча и жадно доедал остатки холодца прямо с блюда; его мохнатый хвостик от удовольствия так и ходил ходуном.

Песню допели до конца и стали прощаться.

– Ну, спасибо тебе, Агния Львовна, – сердечно сказал Василь-Ваныч, – давно я не гулял в такой компании и за таким столом! Человеком себя почувствовал!

Иннокентий подошел к Агнии Львовне, протянул обе руки, а когда та протянула ему свою руку для прощального рукопожатия, наклонился и поцеловал ее.

– Пошли мы, Агния Львовна! – объявил Гербалайф. – Если что понадобится – ты нас только позови! Мы тебе... Мы за тебя... – Тут в его голосе зазвенели слезы, причем, как показалось Агнии Львовне, вовсе не пьяные слезы. – В общем, все для тебя сделаем!

– Очень тронута, Андрей, – сказала Агния Львовна. – Спасибо вам, дорогие, что нашли время поздравить меня, старуху. Я тоже никогда не забуду этот мой день рождения!

Варвара сидела молча и никому ничего не сказала. С нею впопыхах как-то забыли попрощаться.

Агния Львовна проводила гостей и вернулась в комнату. И только тут Варвару Симеоновну прорвало. Она хохотала, наверное, минут пятнадцать, до слез. Агния Львовна поглядела, поглядела на нее, сначала усмехнулась, а потом тоже зашлась смехом.

– Ну что, хозяйюшка, подмели гости твой стол? Теперь что будем делать?

– А что мы должны делать?

– Ну, я пойду опять картошку чистить, а тебе, по всей видимости, надо опять топать в своих зеленых туфельках на рынок, пока он не закрылся, да снова покупать угощение – скоро же твои дети появятся!

– Варенька, картошка у меня кончилась, чистить нечего. Хуже того, что и деньги тоже кончились. Подчистую!

– А деньги летят, наши деньги как птицы летят!.. – запела подвыпившая Варвара Симеоновна, но тут же оборвала себя. – Постой, Агуня! Так у тебя что, и к столу ничего не осталось? А как же твои настоящие гости?

– Сейчас проведу ревизию, но, по-моему, ничего, кроме половинки холодца.

Она пошла на кухню к холодильнику. Титаник вскочил и побежал за нею. Опережая ее, он сунулся к холодильнику и поскреб его лапой, умильно свесив голову с красным бантиком в горошек.

– Ты что, знаешь, где у меня стоит холодец? Ну конечно, я же его второй раз при тебе доставала. Так холодец тебе понравился?

Титаник твякнул, выразительно на нее глядя.

– Понимаю, холодец из телячьих ножек – это не морковка в йогурте!

Агния Львовна открыла дверцу холодильника, глянула на

стоявшее в нем одинокое блюдо с половиной холодца. Титаник втянул носом воздух, выпустил длинную слюну и восторженно взвизгнул, виляя хвостом.

Агния Львовна решительно вынула холодец и поставила его перед Титаником, прямо на праздничном блюде.

– Ешь, собака, пользуйся случаем! Лопай! Жри! Но если у тебя после этого заболит живот, не жалуйся на меня своей хозяйке!

Титаник упоенно зачавкал.

Она вернулась в комнату.

– Знаешь, Варенька, остается один-единственный выход. Ты мне сейчас поможешь все убрать, чтобы никаких следов от этого нашего пира не осталось. Посуду надо всю перемыть, а мусор вынести, чтобы ни одной обертки, ни одного пакета из-под закусок нигде не было.

– А потом что?

– А потом я лягу в постель и больше уже не встану.

– Это как понять?

– Болеть буду! Может старушка в семьдесят пять лет приболеть в свой день рожденья? Гости придут, поздравят меня, посидят немного и вежливо разойдутся.

– Смотри, чтоб они тебе до того скорую не вызвали!

– Не вызовут. Я скажу, что у меня радикулит разыгрался.

– Родных детей и внучек обманывать нехорошо!

– А у меня и вправду спина побаливает. Она и совсем разболится, когда я все тут закончу убирать!

– Ну, разве что так...

И они вдвоем принялись за уборку квартиры.

– Тут еще полбутылки кагора осталось! Оставить ее на столе? – спросила Варвара.

– Боже упаси! Что обо мне дети подумают? Спрячь в буфет на кухне да засунь поглубже.

– Как скажешь.

Через час уборка была закончена, и комната приобрела привычный и будничный вид: только громадный букет роз остался стоять посреди пустого, накрытого свежей скатертью стола.

– Ложись давай! Нечего тут расхаживать, обнимая себя за поясницу! – скомандовала Варвара. – Таньку я забираю с собой. У-у, наел пузень! Отожрался, отвел душу!

– Тебя бы месяц держать на одной морковке... Ты смотри Лике не проболтайся, что он тут холодцом объедался!

– Да уж сегодня не скажу, не бойся. Я его сейчас еще и погулять выведу – авось он немного похудеет! Лика жаловалась, что у него три дня стула не было. Стула! Какой у собаки может быть стул с морковно-йогуртовой диеты? Тьфу! Но если с Танькой все обойдется, я Лике обязательно скажу, чтобы перестала дурию маяться и здоровую собаку на кроличьем корме больше не держала! Вон он какой довольный, давно я у него такого счастливого выражения лица на морде не видела.

– Ой, а ведь правда, Варенька! Абсолютно счастливая со-

бака, а не ходячая укоризна человечеству!

Варвара с Титаником ушли. Агния Львовна обмотала спину пуховым платком и улеглась в постель – читать «Иоанна Дамаскина». Книга ей с первых же страниц так понравилась, что она и о гостях забыла, зачиталась.

* * *

Первой появилась младшая внучка Наталья, Наташка. Когда Агния Львовна открыла дверь на ее звонок, Наталья сразу же протянула ей красную розу на длинном стебле:

– Бабушка, Булочка моя любимая, поздравляю тебя! Ой, а что это с тобой? На тебе лица нет! Опять поясница, да, Булочка? – В детстве Наташа слышала, как старшая сестра Катя звала бабушку «бабулечкой», но у нее так не выговаривалось, а получалось – «булочка», так и осталась бабушка для нее Булочкой.

– Да, детка, радикулит разыгрался. – Для убедительности Агния Львовна потерла свободной от розы рукой поясницу и даже слегка постонала. И тут же подумала: «Вот ведь как странно устроен человек! Спину ломит в самом деле, натрудила за день – так зачем еще и подыгрывать? А вот, выходит, если есть в болезни хоть капелька лукавства – чувствуешь себя симулянткой. Ох, прости меня, Господи!» – вздохнула она.

– Ты ведь лежала, да, Булочка?

– Лежала.

– Ну, так и ложись обратно в постель!

Они прошли в комнату. В руках у Натальи была большая коробка с тортом. Агния Львовна сразу же подумала, что все не так плохо – можно будет угостить всех чаем с тортиком. Молодец Наташка!

– Ой, какие у тебя розы, Булочка! Класс! Соседки пода-рили?

– Не соседки, а соседи – молодые люди с нашего двора.

– Какая ты у нас бабулечка-красотулечка, молодые люди тебе в день рожденья тысячерублевые букеты дарят. Ой, тут роз не на одну тысячу! А запах какой! Булочка, а ты мне дашь несколько розочек, когда я домой пойду? Я у себя в комнате поставлю.

– Конечно, милая! Забери хоть все.

– Да нет, все забрать мне совесть не велит и мама не одобрит. Я половину возьму, если тебе не жалко, ладно?

– Разве мне может быть что-нибудь жалко для моей любимой младшей внученьки?

– Булочка, а я у тебя правда любимая внучка?

– Да, ты у меня самая любимая младшая внучка. А Катенька – моя самая любимая старшая внучка.

– Ну, так неинтересно!

Впрочем, это была их очень старая игра, и Наталья заигрывать не стала.

– Да ладно, это я так, Булочка! Я знаю, что ты нас любишь

одинаково, но только по-разному: Катерину за то, что она умная и послушная, а меня, наоборот, за то, что я глупая и озорная. Ведь так?

– Приблизительно так.

– Дай-ка я тебя за это еще разочек поцелую! – Наташка привалилась к Агнии Львовне и принялась обцеловывать ее лицо, приговаривая: – Булочка моя мяконькая, сладенькая, кругленькая, сдобненькая и с изюмчиком! У-у, какая симпатичная изюминка! Ты у нас приятная во всех отношениях старушка с изюминкой! – «Изюминкой» Наташка называла круглую родинку на щеке бабушки, в которой, на взгляд самой Агнии Львовны, ровным счетом ничего симпатичного не было, да еще и волоски из нее торчали.

Наташка вдруг вскочила с постели.

– Ой, Булочка! А ведь я тебе подарок испекла! – Она стала развязывать коробку с тортом. – Только он, знаешь, не очень у меня получился. Но я так старалась, так старалась!

Она сняла крышку, и под ней оказался пирог. С одной стороны поднявшийся каким-то пористым утесом, а с другой совершенно осевший, но зато подгорелый почти до черноты; а посередине пирог был вроде и ничего, нормально пропечен, но почему-то корочка на нем лопнула и из трещины лезла капустная начинка.

– Мда-а... – протянула Агния Львовна. – Вид неказистый... Но, может, он на вкус зато хорош.

– Знаешь, Булочка, он и на вкус, по-моему, не очень...

Хочешь, попробуем?

– Ну конечно хочу!

– Ты лежи, лежи! Я тебе в кровать подам!

Пирог был ничего, местами даже съедобный – там, где он пропекся, но не подгорел, вот только начинка была повсеместно пересолена!

– Понимаешь, Булочка, я ведь из кислой капусты начинку делала, ну и просчиталась с солью...

– А ты соль клала по частям и пробовала при этом?

– Ну что ты, Булочка! Я же торопилась!

– Вот и результат. Ну ничего, детка, благодаря тебе у меня есть все-таки номинальный пирог для гостей. Что за день рожденья без пирога, верно?

– Верно, Булочка! Только ты Катерине не говори, что это я его пекла, ладно? И вообще никому не говори: пусть думают, что это ты по болезни с пирогом не справилась. Ведь могла ты один раз в жизни неправильный пирог испечь?

– Теоретически могла. Что взять с больного человека, верно?

– Ве-е-ерно!

– Возьми на кухне большое блюдо и выложи на него этот «мой» пирог.

– Булочка! Я тебя ужасно люблю!

– Взаимно, дорогая, взаимно.

Пирог был выложен на блюдо, и стол снова приобрел почти праздничный вид.

Тут зазвенел звонок.

– Ой, это или мама с папой, или Катюша со своим Марковым! Я открою, не вставай, Булочка!

– Открой. А по пути занеси на кухню коробку из-под пирога и запихни ее куда-нибудь с глаз подальше.

Наташка послала бабушке воздушный поцелуй, потом метнулась на кухню прятать улики и только после этого отправилась открывать дверь.

Вошла старшая внучка Екатерина со своим мужем Марком. Катюша несла в руке букет, а Марк – торт, на этот раз определенно настоящий, потому что верхняя крышка у него была прозрачной и сквозь нее было видно что-то пышное, белое с розовым.

– Привет, Наталья! – сказала Катюша. Увидев Агнию Львовну в постели, она кинулась к ней. – Бабулечка, что с тобой? Приболела? Надеюсь, ничего серьезного?

– Спина.

– А врач у тебя был?

– Да не нужен мне врач, Катюша. Это я просто устала... пока пирог пекла.

– Так зачем же ты с ним возилась? Позвонила бы мне – я бы сама тебе испекла! Бедненькая ты моя старушенька! А теплым поясницу завязала?

– Завязала.

– А покажи!

Агния Львовна послушно откинула одеяло и продемон-

стрировала пуховый платок на талии.

– Молодец! Ну а стол мы тебе сейчас сами устроим. Ты только лежи и ни о чем не переживай. Марк, пошли в магазин и на рынок!

– Я с вами! – закричала Наташка.

– А кто с бабушкой останется?

– А кто вкусности выбирать будет? Вы же без меня не справитесь.

– Ладно, давай и ты. Как же без тебя.

– Ура! Марковкин, там на кухне стоит сумка на колесиках, захвати ее!

– Наташенька, да разве можно зятя, мужа старшей сестры, звать Марковкиным? – спросила Агния Львовна.

– Какого-нибудь зятя, может, и нельзя, а Марковкина – можно! Катерина сама его так зовет!

– Пусть зовут как хотят, Агния Львовна, лишь бы уважали, – сказал Марк.

– Когда заслуживаешь – уважаем! – сказала Наталья и показала Марку язык.

– Бабулечка, а где ключ от квартиры, чтобы нам не звонить и тебя не подымать с постели? – спросила Катюша, выглядывая из прихожей.

– А там же, в сумке, в боковом кармашке! Нашла?

– Нашла. Тут еще кошелек и очки. Они тебе нужны?

– Нет, это уличные очки, а кошелек пустой.

– Понятно... Ну, ты не скучай, мы скоро!

– Катюша, если будете заходить на рынок, возьмите немного сулугуни, хорошо?

– А разве?.. Ладно, мы не забудем, бабулечка, купим тебе сулугуни!

Молодежь отправилась за покупками, и Агния Львовна снова принялась за «Иоанна Дамаскина». Ей было немножко стыдно, что так получилось: внуки об угощении хлопочут, а она лежит-полеживает, книжечку почитывает! Но книга уж очень ей нравилась, и вскоре она увлеклась чтением и опять про все забыла.

Через час она услышала, как в дверном замке поворачивается ключ. Она подумала, что это Лика или Варвара, и продолжала читать. Но вошли Артем и Надежда, сын с невесткой, с пакетами в руках. Артем подошел к матери.

– Мам, с днем рожденья тебя! Расти большая, слушайся детей и внуков! – пробасил он, целуя мать и осторожно приподнимая ее вместе с подушкой и «Иоанном Дамаскиным». – Мы возле рынка встретили наших ребят, и они дали нам ключ. Они следом идут, только еще в булочную хотят заглянуть. Чего это ты болеть надумала?

– Да это только спина, не волнуйся, Артюша!

– Ну, смотри... Ладно, я пошел на кухню воду для пельменей ставить.

Наденька положила пакеты у дверей и тоже подошла к Агнии Львовне, наклонилась, поцеловала.

– С днем рожденья, мама! Что с вами? Только спина, боль-

ше ничего?

– Нет-нет, это только радикулит.

– Уборку делали?

– Ну, как же без уборки ко дню рождения?

– А позвонить и позвать?

– Ну что ты, Наденька! Вы все работаете, Наташка учится.

Вот только того не хватало, чтобы вы ко мне приходили полы мыть!

– Так вы еще и пол с больной спиной мыли, мама?! Ну, тогда все понятно! Нет, надо вам переезжать к нам. Есть же место, Катюшина комната освободилась – ну почему бы вам к нам не переселиться?

– Наденька, золотко, а на кого ж я своих подружек оставлю? У них же никого, кроме меня, близких нет!

– Как это – нет близких? У Варвары Симеоновны, помнится, тоже есть сын и невестка, а также двое вполне взрослых внуков.

– Милая моя, ну какие же это близкие, если они проживают в Германии?

– Она могла бы к ним переехать.

– Она тоже не хочет оставлять меня и Лику.

– Замкнутый круг какой-то!

– Он самый и есть – замкнутый круг старинных подруг.

Надежда вздохнула и пошла на кухню.

– Мама, давай поговорим серьезно, – сказал Артем, присаживаясь на край кровати.

– Ну, давай поговорим... – вздохнула Агния Львовна и помолилась про себя: «Господи, помоги!»

В этот момент раздался звонок.

– Не получится серьезного разговора, Артюшка, это твои дети явились! – сказала Агния Львовна. – Поди открой дверь! – и с облегчением вздохнула.

Катя с Марком сразу отправились на кухню, и Артем тоже пошел помогать жене, оставив Агнию Львовну с Наташкой.

– Булочка, давай пока подарки посмотрим, а?

– Ну, давай. Я же вижу, что тебе не терпится.

– Ну да. У меня подарок не получился, так, может, хоть Катюха с Марком что-то путное принесли. Мамин подарок я знаю – она тебе халат сшила. Могла бы купить, конечно, но ей, видите ли, хотелось сделать подарок своими руками. Ага, вот он!

– Ой, да какой же красивый! И теплый... Не халат, а одеяло! И как же это она ухитрилась его так аккуратно простегать? Молодец твоя мама!

– Хорошая у тебя невестка, Булочка?

– Золото! Я это с первого взгляда поняла, как только твой папа привел ее сюда, вот в эту самую комнату, знакомиться.

– Марк вот тоже говорит, что у него теща – бриллиант чистой воды. Прямо не семья, а ювелирный магазин! Знаешь, у нас вообще какая-то ненормальная семья: разве это порядок, чтобы невестка со свекровью и теща с зятем так любили друг дружку?

– Самый порядок и есть!

– А в кино и по телевизору всегда не так...

– А ты больше всякую ерунду смотри.

– Все смотрят телевизор, но некоторые при этом еще и думают! Что тут у нас еще? Ага, папка, как всегда, свой подарок в конвертике принес! Деньги значит. – Наташка открыла конверт, вытащила из него поздравительную открытку – в открытке лежали деньги, бумажками по пятьсот рублей. Наташка их быстренько пересчитала. – У! Пять тысяч. Булочка, одна пятисоточка моя?

– Твоя, твоя! Только спрячь и папе не говори.

– Уже сделано! А что Катюха с Марковкиным принесли? Ага, ангорская кофта! Ну, мне такая не подойдет, слишком большая и цвет не мой... Ха, зеленые тапки! Ну, это они не угадали – вон у тебя какие хорошенькие новые зеленые домашние туфельки! Это тебе, конечно, тетя Варя с тетей Ликой подарили?

– Они. Но мне вторые тапочки очень даже пригодятся. Эти я буду дома носить, а в тех – по улице ходить.

– В таких вот зеленых башмаках – по улице?!

– А ты считаешь, что это будет очень неприлично?

– Ну что ты, Булочка! Нам с тобой по возрасту можно все носить: как сказал поэт, девушке в семнадцать с половиной лет и бабушке в семьдесят пять какая шляпка не пристанет? И тапочки.

– Верно! – засмеялась Агния Львовна.

Через полчаса стол был накрыт и ломился от угощения. В центре, возле вазы с розами, стояли две бутылки шампанского. Портит картину только кривобокий пирог с прорехой, который не стали убирать со стола, чтобы не обидеть виновницу торжества. Артем открыл и разлил по бокалам шампанское. Он же произнес тост в честь мамы и бабушки. Все с бокалами в руках подошли к Агнии Львовне, чокнулись с нею и расцеловались. Она отпила глоток шампанского, а потом поставила бокал на тумбочку. Там же заботливая Катюша разместила для нее тарелку с салатом и кусочком осетрины – больше Агнии Львовне ничего не хотелось.

Когда все закусили, Марк потянулся за второй бутылкой шампанского и стал ее открывать.

– Чего это ты сразу за вторую, сынок? – спросила зятя Надежда.

– Надо! – коротко ответил тот. – Для второго тоста.

– За семью виновницы торжества? – спросила догадливая Наташка.

– Ну... Пожалуй, можно сказать и так. – Он разлил шампанское по бокалам, а потом подошел к Екатерине, обнял ее и сказал: – Дорогая бабушка и все-все! Хочу сообщить вам потрясающую новость: мы с Катюшей ждем ребенка! И вот сейчас она выпивает со всеми нами свой последний бокал вина, потому что потом уже ей нельзя будет пить до самого конца кормления!

– Уж ты с такими подробностями! – засмеялась Катюша,

но ее слова заглушили общие крики восторга. Наташка – та просто визжала изо всей мочи, пронзительно и на одной ноте. Она хотела было кинуться к сестре и повиснуть у нее на шее, но ее предусмотрительно перехватил Марк – пришлось Наталье повиснуть на его шее и с тем же неукротимым визгом расцеловать его.

Катюша подошла к Агнии Львовне и обняла ее.

– Вот так, бабулечка, скоро ты у нас прабабушкой станешь!

– Слава Богу! – сказала Агния Львовна, поцеловала Катюшу, перекрестила ее и перекрестилась сама. – Давайте-ка все помолимся за нашу внучку, дочь, жену и сестру!

Все поставили свои бокалы на стол, но сами остались стоять – только повернулись к киоту с иконами.

– Спаси, Господи, сохрани и помилуй рабу Твою непраздную Екатерину, даруй здравие ей и нерожденному чаду ее. Аминь!

– Аминь! – сказали все, а Наташка добавила: – Да здравствует наша непраздная Катюха и нерожденное чудо ее! Ура!

– Нерожденное чадо, а не чудо, – поправила дочь Надежда.

– Нет, чудо! – возразила та. – Своих племянников я как хочу, так и называю! Кстати, Марковкину тоже ура! И прабабушке нашей: не было бы Булочки – не было бы и всех нас! Ура нашей бабушке!

Потом все понемногу успокоились, Надежда принесла ка-

стрялю с пельменями, и праздник продолжался. Наташка, быстро справившись со своей порцией, подошла к Агнии Львовне.

– Булочка, можно я с тобой у стеночки полежу?

– Ладно уж, лежи.

Наташка скинула туфли и осторожно, стараясь не потревожить бабушку, переступила через нее и улеглась под теплый бабушкин бок.

– Случилось что-нибудь? – спросила Агния Львовна, поскольку под бок к бабушке Наташка забиралась, когда ей хотелось чувствовать себя в безопасности.

– Да нет, Булочка... Я просто за Катюху беспокоюсь. «Непраздная Екатерина»! Звучит так грозно! Вроде как все, что было до этого, – это была как бы Катюхина молодость, сплошные праздники, а вот теперь она стала уже «непраздная» и начинается серьезная жизнь... В общем, я за нее очень беспокоюсь, Булочка!

– Ты права, детка: теперь наша Катюша становится по-настоящему взрослой.

– Мы все будем ей помогать, правда?

– Ну, а как же иначе? На то ведь мы и семья.

– Семь Я. Семь таких, как я. А у нас семь или не семь? Ты, папа с мамой, мы с Катей и Марковкин... Ой, как раз седьмого нам и не хватало!

– Ну, вот видишь, как замечательно.

– Угу. Ты станешь прабабушкой, а я – тетушкой. А вдруг у

Катки будет двойня? Здорово-то как! – Тут чувство тревоги Наташку оставило, она вывернулась из-под одеяла, спрыгнула с кровати и побежала обнимать мать своих будущих племянников и что-то горячо нашептывать ей на ухо.

– Да отстань ты, Наташка! Какая двойня, с чего ты вдруг взяла? – смеялась Катюша. – Да типун тебе на язык!

– Нет, ну ты подумай, Катюха, как это удобно! Сразу раз! – и ты уже мать двоих моих племянников! Ты уж постарайся, чтобы это были мальчик и девочка!

– Хорошо, я подумаю. Ты только не задуши меня, а то не будет тебе ни мальчиков, ни девочек.

– Меня бы еще спросить надо, хочу ли я вот так сразу стать многодетным отцом? – сказал Марк.

– Ой, Марковкин! Я тебя ужасно люблю! – закричала Наташка, вспомнив, что у ее грядущих племянников где-то есть еще и отец. – Дай-ка я тебя тоже придушу немножко!

И до самого конца застолья Наташка то и дело вспоминала про радостную новость и кидалась обнимать то сестру, то зятя, то родителей, то бабушку.

В девять часов Марк объявил, что у Кати теперь строгий режим и им надо собираться домой.

– Да и маме пора отдохнуть, – сказал Артем. – Давайте-ка, девочки, убирайте со стола и мойте посуду. Пора и честь знать!

Стали уносить посуду и оставшиеся закуски, в том числе остатки злополучного пирога, от которого гости все-таки

вежливо и самоотверженно съели по кусочку, чтобы не огорчать хозяйку.

Тем временем Агния Львовна подозвала к себе Марка, усадила его рядом и сказала ему:

– Ну, Маркуша, теперь на тебя вся надежда! Береги Катюшу и свое дитя в ней.

– А как же, бабушка! Я ей уже запретил делать утомительную домашнюю работу и носить тяжести.

– Главная опасность – душевные тяжести, а не телесные.

– А как от них уберечь жену в наше-то время?

– Ну, тут рецептов нет. Разве что один. Но он очень трудный.

– Какой, бабушка?

– Вот такой: поставь себе цель – сделать так, чтобы время своей беременности Катюша в будущем вспоминала как самое счастливое время своей жизни.

– А как это сделать? Ведь это такой труд – носить ребенка!

– Хорошо уже, что ты это понимаешь. Но многое и от тебя зависит. У нее могут быть капризы, нападения беспричинной печали, а ты все это должен растворить своей любовью и заботой. И баловством! Ожидающую ребенка жену надо баловать вдвое больше, чем невесту! Дари ей цветы и маленькие подарочки, радуй ее и хвали, почаще говори о любви. Помни, радуется она – радуется и младенец в ней.

– Я понял, бабушка. А можно если что, так я буду к вам прибегать за советом или звонить?

– Ну конечно можно, дорогой! Прибегай и звони. Я же бабушка и прабабушка! А я с этого дня буду усиленно молиться за непраздную Екатерину, ее супруга и их чадо.

– Спасибо...

– Булочка! Так можно я половину твоих роз себе возьму? – спросила Наташка.

– Можно. Возьми на кухне бумажные полотенца и заверни, чтобы не уколотся. А вторую половину букета заверни для Катюши.

– Спасибо, Булочка!

Вскоре гости распрощались с Агнией Львовной и вышли за дверь.

Спустившись во двор и оглянувшись на окна бабушкиной квартиры, они вдруг заговорили все разом.

– Мама совсем плоха стала...

– Нет, надо ее забирать к нам жить! И что это она упрямится? Или это уже старческое?

– Да, возможно. Она, кстати, все путает: сегодня среда, а она попросила купить ей сулугуни.

– А вы знаете, что у нее в кошельке не было НИ КОПЕЙКИ! А ведь у нее позавчера была пенсия.

– Ну, деньги у нее теперь есть, я ей подарил конвертик.

– И Марковкин ей в кошелек сунул тысячу.

– И при этом, вы видели, у нее совершенно пустой холодильник!

– Трудно ей одной жить. Совсем, совсем сдала наша ста-

рушка...

– Да ладно вам! – возмутилась Наташка. – И ничего она не сдала, просто у нее вдобавок к мудрости с годами прорезался здоровый пофигизм!

– Не иначе, Наталья, это она от тебя заразилась!

Все засмеялись и почувствовали облегчение: пофигизм у старушки – это еще не так страшно! Они подошли к припаркованной во дворе машине Марка и стали в нее усаживаться: старшая пара с Наташкой на заднее сиденье, младшая пара – впереди.

После ухода гостей Агния Львовна еще немножко полежала, отдыхая от них, любимых, но шумных, а потом встала и отправилась через площадку к соседкам. Позвонила в ту и в другую дверь, а когда подруги выглянули, сказала:

– Девочки! Берите Таньку и марш ко мне – будем теперь справлять мой день рождения в самом узком семейном кругу!

И они его справили. Вынули из холодильника остатки закусок, достали из буфета спрятанную в углу бутылку кагора и сели пировать. Поели, выпили по рюмочке, поговорили о том, что Агния Львовна скоро станет прабабушкой, еще раз выпили – теперь за непраздную Екатерину. А потом Варвара Симеоновна сходила к себе за гитарой и спела песню. Не свою, правда, но очень подходящую к случаю:

А на Марата, как тогда, летают сизые голуби,

Снуют у белых колонн Музея Арктики.
Я вспоминаю о годах, в которых не было холодно,
Когда мечты наши были завернуты в фантики.

Гитарой баловалась юность в наше время веселое,
И узнают меня все на этой улице,
И с рынка тянет свежей зеленью и маслом подсолнуха,
Но, чтоб увидеть тебя, надо зажмуриться...⁶

...И, засыпая в эту ночь, Агния Львовна сказала мысленно: «Спасибо Тебе, Господи, за этот чудесный день рождения!»

⁶ Песня А. Розенбаума.

История вторая

Птичий грипп на троих

Утром Варвара Симеоновна вышла из своей квартиры и увидела на площадке Титаника, сидящего с самым несчастным видом на привязанном к перилам поводке. На двери его хозяйки Лики Казимировны Ленартович белел листок бумаги. Она подошла, вынула из сумки очки для чтения и в величайшем недоумении прочла следующий текст:

ОСТОРОЖНО! НЕ ВХОДИТЬ!

В КВАРТИРЕ ПТИЧИЙ ГРИПП!

Дорогие мои Варешка и Агуня, я заболела. Это птичий грипп.

Возьмите к себе Титаника. Врача я вызвала сама.

Прощайте, мои дорогие подруги, это конец, я ухожу в вечность.

Я вам позвоню, если смогу.

– Однако! – сказала Варвара Симеоновна в раздумье. Она достала из сумочки ключ от квартиры Лики Казимировны, повертела его и сунула обратно, позвонила в квартиру Агнии

Львовны, но той не оказалось дома. «В магазин, наверное, вышла! Значит, записку и Таньку она не видела, они появились позже», – решила Варвара Симеоновна и стала отвязывать поводок Титаника. Тот вскочил и взволнованно замотал хвостиком.

– Ну, конечно, конечно, гулять, дорогой ты мой пес! Куда же мы с тобой еще можем пойти в такой ситуации? Что ты так на меня смотришь? А, ну да, еще в аптеку, само собой. Птичий грипп – это, знаешь ли, не шутка, милый! Наверняка твоя хозяйка считает, что он передается не только от птиц человеку, но и от человека собаке, вот и выставила тебя из дому. Так что ты на нее не обижайся и не жалуйся. Вперед, дружок, беги без поводка!

Титаник неуклюже запрыгал вниз по лестнице, ныряя головой и цепляя когтями мохнатых лап за оббитые края ступеней. Внизу Варвара Симеоновна снова прикрепила поводок к ошейнику, и они степенно вышли во двор.

На скамейке под тополем прохлаждалась неразлучная троица местных бомжей – Гербалайф, Иннокентий и Василь-Ваныч. Именно «прохлаждалась», потому что на дворе было прохладно: уже шел октябрь, и, хотя небо было ясное и всю светило солнышко, воздух по утрам уже не прогревался, и потому все трое сидели, засунув руки в рукава своих более чем скромных одежек и поеживались. На Гербалайфе и Иннокентии были много чего повидавшие куртки, а на Василь-Ваныче – классическая солдатская телогрейка.

– Доброе утро, уважаемая Варвара Симеоновна! – приветствовал ее Иннокентий.

– Здравствуйте, молодые люди!

– Здрасьте вам! В магазин или на рынок? – любопытствовал Гербалайф.

– Титаника они прогуливать вышли! – солидно пояснил Василь-Ваныч. – Лика Казимировна-то заболела. Птичий грипп у нее.

Варвара Симеоновна остановилась, разбежавшийся Титаник затормозил лапами.

– А с чего это вы взяли, Василь-Ваныч, что у Лики Казимировны птичий грипп? Вы записку ее на двери читали?

– Не читал я никаких записок, зачем мне? Сама Лика Казимировна мне сказала, вчера еще.

– Ну-ка, ну-ка! Да погоди ты, собака! – Варвара Симеоновна намотала на кулак поводок, подтянула к себе нетерпеливо рвущегося к воротам Титаника и подошла поближе к скамейке. – Что она вам сказала по поводу птичьего гриппа?

– Да ничего особенного! – пожал плечами Василь-Ваныч. – Вчера мы сидели на ступеньках перед Музеем Арктики, подошла к нам ваша подружка и присела рядом. Сидим, на последнем теплом солнышке греемся, о жизни разговор ведем – все как всегда. А кругом нас голуби, голуби, голуби... Лика Казимировна вынула из сумки батон и давай голубей кормить. Тут одна мимопроходящая дамочка остановилась и говорит: «Зря вы этих разносчиков заразы при-

кармливаете! Знаете, сколько народа они птичьим гриппом заразили? Ужас! Все больницы переполнены!» Лика Казимировна испугалась, подхватила и говорит: «Ох, у меня такая слабая иммунная система! Ой, спасибо, что предупредили!» – и домой побежала. А мимопроходящая дамочка по своим делам пошла, с виду очень собой довольная.

– Ступени холодные были?

– Да не очень, наверное... Хотя все-таки камень. Так вы думаете, что она просто простыла?

– Думаю, что так, – кивнула Варвара Симеоновна. – Но могла и вирус простудный или обыкновенный грипп подхватить. Народу-то много сидело на ступеньках?

– Да сидел кое-кто... Место уж больно привлекательное, когда на него солнышко светит, – сказал Иннокентий.

– А вы не помните, рядом с нею кто-нибудь чихал?

– Да почти все! – радостно сказал Гербалайф. – Ведь поглядишь на солнце – и обязательно чихнешь. А как же на него не глядеть? Не так часто в это время солнышко светит.

– Осень, Варвара Симеоновна, – самое простудное время года, – сказал Василь-Ваныч. – Я и сам, считай, целую неделю не только чихаю, но еще и кашляю.

– Картина проясняется!.. – качая головой, произнесла Варвара Симеоновна. – Вы бы хоть скамейку на солнышко перетащили, ребята, холодно сидеть в тени!

– Ага, таскай ее туда-сюда-обратно! – сказал Гербалайф. – Солнце скоро само сюда переползет, как миленькое.

– Смотрите, ваше дело. Что ж, Титаник, пойдем на бульвар свои дела делать, а потом уже начнем лечить твою хозяйку.

– Приятной вам прогулки! – сказал Гербалайф и оглушительно, с удовольствием чихнул.

Справив бульварные дела с Титаником и купив все потребное в аптеке, причем в изрядном количестве, Варвара Симеоновна заглянула в гастронорм и вернулась во двор. Троица пребывала на том же месте, но теперь они сидели, тесно прижавшись друг к другу на одном конце скамейки, куда уже и вправду, «как миленькое», доползло солнце. Варвара Симеоновна вынула из сумки коробочку с лекарством и протянула ее Василь-Ванычу.

– Василь-Ваныч! Вот это антигриппин – пейте все три раза в день по одной таблетке, утром, в обед и вечером.

– Так мы ж не болеем! – удивился Василь-Ваныч.

– Пейте для профилактики! – отрезала Варвара Симеоновна. – Врач к Лике не проходил?

– Не-а!

– Хорошо.

Варвара Симеоновна скорым шагом пошла к своему подъезду, волоча за собой Титаника, который теперь был явно не прочь задержаться у скамейки и пообщаться со знакомыми людьми.

А бедная Лика Казимировна в это время лежала под сбившимся влажным и горячим одеялом, съезжившись в малень-

кий, дряхлый, уже никому на свете не нужный комочек, тихонько поскуливала от жалости к себе и ждала смерти. В распухшей голове стучали горячие молоточки, шевелить ею было нельзя ни в коем случае – при малейшем движении большая пружина с остро заточенными концами, расположенная в самой середине ее черепа, тут же распрямлялась и впивалась концами в оба виска изнутри. Ноги ее превратились в два ледяных камешка, и она никак не могла ими пошевелить, такие они были тяжелые, а руки, притиснутые к груди, хотя и не такие холодные, как ноги, стали какими-то чужими птичьими лапками. Птичий грипп! Дышала она быстро-быстро, и сердце ее тоже стучало мелко и скоро, даже не стучало, а, скорее, дрожало. Очень холодно было спине, невыносимо холодно, и этот холод постепенно проникал все глубже и глубже в ее бессильное, безвольное и совершенно беззащитное тело. Наверное, одеяло сбилось и обнажило спину. И она, конечно, хотела бы поправить его, натянуть на спину, но, во-первых, она не помнила, как это делается, а во-вторых, на такое сложное действие у нее все равно не хватило бы сил. Сползшее одеяло – это непоправимо! Видно, придется болеть и умирать с голой спиной...

Варвара Симеоновна открыла дверь квартиры Лики Казимировны и вошла вместе с Титаником. Пес хотел было броситься в комнату к хозяйке, но Варвара Симеоновна повлекла его на кухню, там налила ему в миску свежей воды, в другую миску положила собачий корм из банки, найденной в

холодильнике, и тихо, но грозно приказала:

– Ешь! И чтобы я тебя не слышала!

Титаник послушно зачавкал.

Сама же она подошла к Лике Казимировне и попробовала рукой ее лоб. Лика горела и на прикосновение никак не отозвалась. Варвара Симеоновна глянула на часы: было уж одиннадцать, врач мог придти в любую минуту, а мог явиться и после обеда. Она выдвинула один из ящиков серванта, в котором у Лики хранились лекарства. Порылась, нашла парацетамол: с антигриппином она решила подождать до врача, а вот парацетамол – это было древнее испытанное средство. Нашла она и градусник – старинный, ртутный, который ставится под мышку, а не берется в рот. Таблетку она раздробила черенком ножа, высыпала в столовую ложку и разбавила водой. Подошла к Лике, осторожно перевернула ее на спину, потом подсунула руку под подушку и приподняла ее.

– Ликуня, открой рот и выпей лекарство! – К ее удивлению, Лика, не открывая глаз, послушно открыла рот и позволила ей вылить в него воду с парацетамолом, но, когда она попыталась сунуть градусник ей под мышку, Лика простонала: «Не надо! Не надо меня ножом! Я хочу жить!» – и стала слабо отбиваться. «Надо немного согреть градусник!» – догадалась Варвара Симеоновна, подержала его в ладонях и снова сунула Лике под мышку, и Лика покорилась, только тихонько и жалобно пискнула. Во время этих процедур Варвара Симеоновна заметила, что руки у Лики очень холод-

ные; она тут же пощупала ее ноги, и, как и ожидалось, те были еще холоднее. Она достала из шкафа пахнущий лавандой толстый платок из козьей шерсти и, приподнимая и ворочая Лику с боку на бок, укутала ее платком вместе с градусником. Села передохнуть – почему-то от болезни Лика стала поразительно тяжелой. Потом она отправилась на кухню и поставила на газ чайник с водой для грелки.

А в это время в соседней квартире болела и страдала Агния Львовна. Вот она не замерзала – она лежала, вся налитая тяжелым горячим жаром, и изо всех сил пыталась остановить мерно раскачивавшуюся кровать. Это было почти невыполнимо, хотя старалась Агния Львовна изо всех своих сил. Кровать качалась с боку на бок, как лодка при боковой волне; ее ножки, правые и левые, поочередно отрывались от пола и потом с тяжким грохотом бухались на место; матрац поднимался то с одного бока, то с другого, и Агния Львовна чувствовала, как горячая жидкость в ней самой тоже переливается из правой половины тела в левую. Время от времени качающаяся кровать отъезжала от стенки, а потом, сотрясаясь, бешено мчалась назад, на свое место, и глухо врезалась в стенку. «Если кровать пробьет стену, то куда я на ней въеду – к Лике или к Варержке?» – Агния Львовна никак не могла сообразить, у какой стены стояла ее кровать и кто из подруг жил за этой стеной. Так она и качалась в кровати, как в лодке, понемногу отъезжая от стены, а потом кровать, дрожа и скрипя, стремительно возвращалась и обрушивалась на сте-

ну вместе с хозяйкой, отъезжала и снова качалась, качалась, качалась и качалась...

Пока вода грелась, Варвара Симеоновна дважды проверяла ноги бедной Лики Казимировны, и ей показалось, что по мере того, как Лика под действием платка и парацетамола согревается и розовеет, ноги ее все больше леденеют. «Не буду ждать, пока вода закипит!» – решила она и стала наполнять грелку из чайника. Когда она ее наполнила почти доверху, вдруг раздался звук рвущейся резины и на ее ноги хлынул поток довольно горячей воды – старая грелка лопнула!

– Хорошо, что не кипела! – вслух сказала Варвара Симеоновна и швырнула негодную грелку в раковину, а чайник снова наполнила и поставила на газ. И пошла к себе переодеваться и переобуваться. Выйдя на площадку, она еще раз позвонила Агнии, но та не отозвалась на звонок. Варвара Симеоновна сняла мокрые носки и обувь, скинула халат и надела спортивный костюм, сухие носки и меховые зимние тапки. Потом она снова вышла на площадку, опять позвонила Агнии, а затем открыла дверь ее квартиры своим ключом и забежала в нее – за грелкой, потому что своей грелки у Варвары Симеоновны не было – она редко болела. Войдя в комнату, она сразу же увидела пылающую от жара Агнию Львовну. Варвара Симеоновна попробовала ее лоб, позвала ее, но та не откликнулась.

Она бросилась назад, в квартиру Лики, вытащила у нее из-под мышки градусник, посмотрела, ахнула, стряхнула и

побежала к Агнии.

Поставила Агнии градусник, схватила в ванной висевшую на гвозде грелку и побежала к Лике.

Налила в грелку уже закипевшей воды и положила Лике к ногам.

Прихватив упаковку парацетамола, побежала к Агнии. Растолкла таблетку, развела водой и вылила в рот Агнии.

Побежала к Лике, заварила в стакане пакетик малинового чая, бросила туда кружок лимона и попыталась напоить Лиду. Та выпила две чайные ложки и больше не стала.

Побежала к Агнии, вытащила градусник и ахнула. Попыталась и ее напоить чаем, но та не поняла ее намерений и с протестующим стоном отвернулась к стенке.

Вышла на площадку и тут увидела поднимающуюся по лестнице Людмилу Алексеевну, их бывшего участкового врача, а теперь пенсионерку.

– Здравствуйте, Варвара Симеоновна, а я к вашей соседке по вызову!

– Здравствуйте. А почему вы пришли по вызову, Людмила Алексеевна, вы разве не на пенсии?

– Грипп идет по городу, и всех врачей-пенсионеров, кого могли найти, позвали на эпидемию. У Лики Казимировны тоже грипп?

– Да, очень похоже. И у Агнии тоже.

– Господи! Ну да уж этого следовало ожидать. А вы-то как?

– Держусь.

Людмила Алексеевна добралась до площадки и остановилась, тяжело дыша.

– Ну, к кому первому идти?

– Ой, да все равно! Они примерно в одинаковом состоянии: у Лики температура сорок, а у Агнии тридцать девять и пять.

Людмила Алексеевна посмотрела и послушала сначала Лику, а потом Агнию, одобрила антигриппин, выписала еще иммуномодулятор, посоветовала обильное питье и витамин С, а Варваре Симеоновне предложила тут же сделать противогриппозную прививку.

– Вы хотите поднять ваших подруг или сами предпочитаете свалиться за компанию?

– Ну нет, нам этого птичьего гриппа на троих вполне хватит!

– С чего это вы взяли, что у них птичий грипп? – Варвара Симеоновна показала доктору записку Лики.

– Ну, это у нее уже бред начинался! – засмеялась та, прочтя записку. – Птичий не птичий, а грипп этот дает тяжелые осложнения. Главное – вовремя захватить и как следует долечить. Ну, первое мы, кажется, успеваем, а вот второе уже зависит от ухода... Вы родным Агнии Львовны уже сообщили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.